

Денюк
Бенни

84(2)P(10)6
1329

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. пред выдач. _____

Венок
Есенину

Поэзия
 есть Бог
в святых мечтах
 земли...

Венок
Есенину

94330-3

Центральная городская
библиотека им. А. П. Чехов.

Читальный зал

Калининградская
ЦБС

Издательство
«Янтарный сказ»

84(2P-Рус)6
В29

84(2P-Рус)6-5+
+83(2P-Рус)6-8 Есенин С. А.
В 29

Составление, предисловие и примечания
А. Г. Самусевич

Оформление *С. И. Соболева*
Фотографии *С. Е. Покровского*

В 29 **Венок Есенину: Сборник/Сост., предисл.
и примеч. А. Г. Самусевич; Худ. С. И. Соболев;
Фот. С. Е. Покровского. — Калининград:
Янтар. сказ, 1996. — 167 с.: ил. — Б. ц.**

Содерж. авт.: Т. Ф. Есенина, А. А. Блок,
Р. Ивнев, В. Я. Брюсов, И. Э. Бабель, В. В. Ка-
зин, И. Северянин, Г. Бениславская и др.

В книгу, посвященную 100-летию со дня рождения поэта, вошли стихотворения, отрывки из статей и писем, воспоминания о Сергее Есенине его современников, а также поэтов, писателей наших дней. Книга продолжает серию «венков» выдающимся русским поэтам: А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Н. А. Некрасову, А. А. Блоку, В. В. Маяковскому.

В $\frac{4702010200-034}{M144(03)96}$ без объявл.

ББК 84(2P-Рус)6-5+
+83(2P-Рус)6-8 Есенин С. А.

© А. Г. Самусевич, составление,
предисловие и примечания. 1996.

© С. И. Соболев, оформление.
1996.

© С. Е. Покровский, фото. 1996.

© ГИПП «Янтарный сказ», 1996.

ISBN 5—7406—0020—0

Русь рассветная в ситце строки

(Предисловие)

Вот и сложился словно сам собой «Венок Есенину»... Думала ли я о книге, когда появилось первое, переписанное от руки стихотворение, посвященное поэту, когда вложила в конверт первые вырезки из газет и журналов, фотографии? Конечно, нет. Я просто собирала все, что было связано с жизнью и творчеством поэта, который был мне ближе и дороже других. Почему? Трудно сразу ответить: помню, как впервые меня поразили строки его стихов:

Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый ш е в е л и т с я.

Это была первая искра, которая соприкоснулась с моей душой. А потом было чудо — стихотворение «Заметался пожар голубой, позабылись родимые дали...», с него-то и началась любовь к Есенину, притяжение к его поэзии и собственные первые стихи. Поняла я это позже, совместив открытия юности с опытом прожитых лет, и сейчас думаю, что образы стихии огня взяли в плен мою душу не случайно, ибо я по гороскопу Стрелец.

С годами статей, книг, фотографий, стихов, посвященных Есенину, становилось все больше и пришла мысль собрать все мои находки вместе, слепить «веночек» и дать возможность в книге душою соприкоснуться всем, кто любит его, с теми, кто знал и помнил или так же, как я, любил поэта.

Книгу памяти открывает удивительное «Письмо матери»:

...Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом...

Эта вершина мировой поэзии рождена той редчайшей искренностью чувств и простотою формы, которая и есть главный магнит в его стихах. Они идут от сердца к сердцу, так, как будто сами родились в твоей душе.

Теплые, нежные чувства к матери он пронес через всю короткую бурную жизнь. Ей читал первые стихи: «Ты одна мне помощь и отрада, ты одна мне несказанный свет...»

Сохранилась фонограмма Татьяны Федоровны Есениной и прижизненные автобиографии Сергея Есенина, которые открывают некоторые страницы детства и юности поэта, рассказывают без прикрас о его семье, родне и укладе деревенской жизни, о влиянии на него города и многом другом.

Уйдя из жизни в тридцать лет, Сергей Есенин оставил большое поэтическое наследие — «стихи свежие, чистые, голосистые...» (А. Блок). Смерть поэта вызвала большое количество откликов в стихах и в прозе, выражающих общую боль утраты, невосполнимость потери певца, чей дар был так необходим людям «в развороченном бурей быте» 20-х годов.

Алексей Толстой написал: «Погиб величайший поэт... Его поэзия есть как бы разбрасывание обеими пригоршнями сокровищ его души». Народность поэзии С. Есенина подчеркивал друг Есенина, поэт-народник Николай Клюев:

Изба — питательница слов —
Тебя взрастила не напрасно:
Для русских сел и городов
Ты станешь Радуницей красной...

Но были и другие оценки творчества и личности поэта. В 1926—1927 годах с критикой «кабацких» стихов Есенина выступили видные писатели и общественные деятели, и это сыграло свою неблагоприятную роль в будущем — нелегко было поэту вер-

нуться к своим читателям, особенно в непростое послевоенное время. Однако именно народ стал хранителем его стихов, а выступления К. Зелинского, Ю. Прокушева, С. Кошечкина на страницах газет и журналов вернули доброе имя Есенину, вернули его России.

Поэт возвратился на родину многомиллионными тиражами своих книг, а недавно из сообщения в «Литературной газете» мы узнали, что в Москве, в Замоскворечье, будет открыт мемориальный музей «Отца и сына». Адрес его: Большой Строченовский переулок, 24. Это первый московский адрес, куда 17-летний Сергей приехал в Москву. Остановился он тогда у своего отца — Александра Никитича Есенина, работавшего приказчиком в мясной лавке. Не всегда они понимали друг друга, но заботу об отце, долг сыновний перед семьей Сергей Есенин будет свято выполнять до последних дней жизни.

Нам очень дороги воспоминания современников поэта — В. Казина, П. Орешина, С. Коненкова, Г. Бениславской, В. Рождественского — тех людей, которые понимали и любили его. Каждое их слово, добрый, внимательный взгляд ложатся точными штрихами к портрету Есенина. Мы видим его таким, каким он был, — веселым, озорным, вдумчивым, печальным — всегда разным. К нему, так же, как и к его стихам, нельзя подходить формально, с общими мерками, ибо это бесполезное занятие.

«...Химический состав весеннего воздуха можно тоже исследовать и определить, но... насколько естественней просто вдохнуть его полной грудью», — пишет Георгий Иванов. И я уверена, что каждое новое поколение будет приходить к Есенину с той же любовью и трепетом, с каким приходим мы, чтобы прикоснуться к чистому роднику его истинно русской Поэзии. Прочтите стихи М. Дудина, В. Бокова, Е. Евтушенко, В. Соколова, Н. Рубцова, и вы почувствуете силу этого родника. Нет более русского поэта, чем Есенин, и невольно тянет к истокам, в село Константиново, что близ Рязани стоит на Оке... Посещением родины поэта навеяны стихи А. Прокофьева, В. Соколова, очерк А. Солженицына, зарисовки и раздумья Н. Дмитриева — у каждого из них свой взгляд на эту обычную русскую деревеньку, на время года, но,

пожалуй, они все убеждены в одном — талант Есенина возрос на Российской земле.

С именем Есенина ассоциируются весна, молодость, жизнь...

Глеб Горбовский пишет: Есенин «не умещался в старость, как я ни представлял», а Н. Рыленков утверждает: «Он останется тридцатилетним, молодым, как рассвет, навсегда». Л. Мартынов, В. Ходасевич, Г. Иванов более глубоко всматриваются в молодого Есенина, отмечая сложность его судьбы и неоднозначность времени, которое прошло через его сердце и так точно воплотилось в его стихах. От имени века говорит поэт-фронтовик С. Орлов: «Но посильнее стальных ракет эта есенинская строка...»

Не поэтому ли его стихи переведены более чем на двадцать языков мира, первыми побывали в космосе...

В 1985 году мне, автору этих строк, довелось побывать на родине Сергея Есенина, в селе Константинове. Был май, все цело: море одуванчиков, сирень, молодой сад возле дома Кашиной... Ока где-то внизу расплескалась в обе стороны, вобрав в себя белые облака и синеву небес. Это был подарок судьбы. Позже я написала цикл стихов «Май в Константинове». Стихотворением из этого цикла мне и хотелось бы закончить предисловие к страницам памяти Сергея Есенина, Поэта милостию Божьей:

Брат родной полноводной Оки
и Рязани любимый сын.
Русь

 рассветная
в ситце строки —
лучшая из картин!
Охраняют музей — поля,
обрамляют картину — рощи...
И дороги, веками пыля,
ее светлую суть не порочат.

*Альбина Самусевич,
член Союза
российских писателей.
1996 г.*

Сергей Есенин

Письмо матери

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Вернуться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

1924 г.

Т. Ф. Есенина

О сыне

Родился в селе Константинове. Читал он очень много всего. И жалко мне было его, что он много читал, утомлялся. Я подойду погасить его огонь, чтобы он лег, уснул. Но он на это не обращал внимания. Он опять зажигал и читал. Дочитается до рассвета и, не спавши, поедет учиться опять. Такая у него жадность была к чтению, и знать все хотел он.

Учился в своей школе, сельской. Четыре класса. Получил похвальный лист. После учебы отправили мы его в семилетку. Не всякий мог туда попасть, в семилетку, в то время. Было только доступно господским детям и поповым, а крестьянским нельзя было. Но так как он учился хорошо, он там проучился три года, в семилетке. И писал. Стихи писал уже. Когда закончил семилетку, приехал домой. Отец его отозвал в Москву к себе. Он поехал, не ослушался. Шестнадцать лет ему тогда было. Отец поставил его в контору к свосму хозяину. Ему не понравилось сразу. Как это? Хозяйка такая строгая была, нападала все на служащих. Он заявляет отцу:

— Папа, я твоему хозяину служить больше не буду.

— Почему?

— Да нельзя. Потому что хозяйка бьет прислугу.

— Ну, твое дело, поступай, как хочешь.

— Я хочу сам над собой хозяином быть.

Отец: — Ну делай, что хочешь.

Отправился к Сытину. Известный был человек, Сытин. Пришел к нему туда. Сытин принял его охотно. Остался у него работать корректором. И писал... Стихи писал... Он напишет, прочитает и скажет: «Мама, послушай, как я написал». А мы и понятия не имели, что это за поэзия такая. Ну, написал и кладет. Собирал все в папку, собирал. А ведь я занята была крестьянскими делами. А он занят головой. У него работала голова именно о том, чтобы читать и читать.

Каждое лето приезжал в деревню. Приедет... подарки нам привезет... Как было хорошо, весело. И соседей всех угостит винцом. Стариков соберет, угостит. Все было хорошо... Какую-нибудь старуху где-нибудь поймает, приведет, посадит, угостит ее, послушает, что она будет говорить про прошлое время. Ему было интересно. В прошлое время кровать не называли кроватью, а коник. Как это коник понять? На чем спать? На конике. Ему это интересно было знать. Везде он всех-таки послушал: и стариков, и старух; везде узнал, кто как живет, кто как понимает. Приезжал в деревню знаменитым поэтом и читал стихи крестьянам. Был у нас в селе праведный человек, отец Иван. Он мне и говорит: «Татьяна, твой сын отмечен Богом».

(Из сохранившейся фонограммы)

1955 г.

Сергей Есенин

Автобиография

Родился в 1895 г. 4 октября. Сын крестьянина Рязанской губ., Рязанского уезда, села Константинова. Детство прошло среди полей и степей. Рос под призором бабки и деда.

Бабка была религиозная, таскала меня по монастырям. Дома собирала всех увечных, которые поют по русским селам духовные стихи от «Лазаря» до «Миколы». Рос озорным и непослушным. Был драчун. Дед иногда сам заставлял драться, чтобы крепче был.

Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад. Стихи начал писать, подражая частушкам. В Бога верил мало. В церковь ходить не любил. Дома это знали и, чтоб проверить меня, давали 4 копейки на просфору, которую я должен был носить в алтарь священнику на ритуал вынимания частей. Священник делал на просфоре 3 надреза и брал за это 2 копейки. Потом я научился делать эту процедуру сам перочинным ножом, а 2 коп. клал в

карман и шел играть на кладбище к мальчишкам, играть в бабки. Один раз дед догадался. Был скандал. Я убежал в другое село к тетке и не показывался до той поры, пока не простили.

Учился в закрытой учительской школе. Дома хотели, чтоб я был сельским учителем. Когда отвезли в школу, я страшно скучал по бабке и однажды убежал домой за 100 с лишним верст пешком.

Дома выругали и отвезли обратно. После школы с 16 лет до 17 жил в селе. 17 лет уехал в Москву и поступил вольнослушателем в Университет Шаняевского. 19 лет попал в Петербург проездом в Ревель к дяде. Зашел к Блоку, Блок свел с Городецким, а Городецкий с Клюевым. Стихи мои произвели большое впечатление.

Все лучшие журналы того времени (1915) стали печатать меня, а осенью (1915) появилась моя первая книга «Радунница». О ней много писали. Все в один голос говорили, что я талант.

Я знал это лучше других. За «Радунницей» я выпустил «Голубень», «Преображение», «Сельский часослов», «Ключи Марии», «Трерядницу», «Исповедь хулигана», «Пугачев». Скоро выйдет из печати «Страна негодяев» и «Москва кабацкая».

Крайне индивидуален. Со всеми устоями на советской платформе. В 1916 году был призван на военную службу. При некотором покровительстве полковника Ломана, адъютанта императрицы, был представлен ко многим льготам. Жил в Царском недалеко от Разумника Иванова. По просьбе Ломана однажды читал стихи императрице. Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустные. Я ответил ей, что такова вся Россия. Ссылался на бедность, климат и проч.

Революция застала меня на фронте в одном из дисциплинарных батальонов, куда угодил за то, что

отказался написать стихи в честь царя. Отказывался, советуясь и ища поддержки в Иванове-Разумнике.

В революцию покинул самовольно армию Керенского и, проживая дезертиром, работал с эсерами не как партийный, а как поэт.

При расколе партии пошел с левой группой и в октябре был в их боевой дружине. Вместе с Советской властью покинул Петроград.

В Москве 18 года встретился с Мариенгофом, Шершеневичем и Ивневым. Назревшая потребность в проведении в жизнь силы образа натолкнула нас на необходимость опубликования манифеста имажинистов. Мы были зачинателями новой полосы в эре искусства, и нам пришлось долго воевать.

Во время нашей войны мы переименовывали улицы в свои имена и раскрасили Страстной монастырь в слова своих стихов.

19—20—21 (годы) ездил по России: Мурман, Соловки, Архангельск, Туркестан, Киргизские степи, Кавказ, Персия, Украина и Крым.

В 22 году вылетел на аэроплане в Кенигсберг. Объездил всю Европу и Северную Америку. Доволен больше всего тем, что вернулся в Советскую Россию.

Что дальше — будет видно.

(1923 г.)

Поэты и писатели о Сергее Есенине

«Умер великий национальный поэт. Его поэзия есть как бы разбрасывание обсеми пригоршнями сокровищ его души».

Алексей Толстой

•

«Истинный судья творчества Сергея Есенина — наш отважный труженик-народ, ему и принадлежит драгоценная жемчужина есенинского таланта, он и сумел сохранить ее в своем любящем сердце».

Сергей Васильев

•

«Со времени Кольцова земля Русская не производила ничего более коренного, естественного, уместного и родового, чем Сергей Есенин... Вместе с тем Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом, моцартовской стихией».

Борис Пастернак

«Для меня поэзия Есенина, как древняя церковь Покрова на Нерли, — стоит, блсеет на зеленом лугу и из дальних веков седой старины зовет меня, современника, к себе, чтобы присесть, отдохнуть, подумать о том, кто я, человек, на земле этой есть, что я должен делать, как обязан относиться к своему ближнему».

Виктор Боков

97330-3
«Эпоха трех русских революций дала нам трех богатырей: Александра Блока, Владимира Маяковского и Сергея Есенина, на долю которого выпала крестьянская застава».

Василий Федоров

«Кажется, сама Россия создала его для того, чтобы раскрыть лирическую душу суровой эпохи».

Николай Рыленков

«Для нас, молодых, поэзия Сергея Есенина — прежде всего часть нас самих. Мы учимся любить землю нашу по-есенински, мы учимся ощущать слово по-есенински. И, главное, мы учимся у Сергея Есенина правде».

Владимир Цыбин

«Человек будущего так же будет читать Есенина, как его читают люди сегодня. Его стихи не могут состариться. В их жилах течет вечно молодая кровь вечно живой поэзии».

Николай Тихонов

«Есенин — мой любимейший поэт. Он мне близок предельной обнаженностью, открытостью, непосредственностью. А поэзия — это и есть откровенность».

Евгений Винокуров

«Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое более всего иного — заслужено человеком».

Максим Горький

«Есенин мало прожил, ровно с песню. Будь она, эта песня, длинней, она не была бы такой щемящей. Длинных песен не бывает».

Василий Шукшин

«Есенин — чудо поэзии. И, как о всяком чуде, о нем трудно говорить. Чудо нужно пережить. И надо в него верить. Чудо есенинской поэзии не только убеждает, но и всегда волнует, как проявление большого человеческого сердца».

Юстинас Марцинкявичус

«Есенин — один из величайших поэтов мира, один из честнейших поэтов мира...»

Назым Хикмет

Александр Блок

Из дневников, записных книжек и писем

9 марта 1915 г. ...Днем у меня рязанский парень со стихами.

Крестьянин Рязанской губ., 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные. Язык. Приходил ко мне 9 марта 1915.

Дорогой Михаил Павлович!

Направляю вам талантливое крестьянского поэта-самородка. Вам, как крестьянскому писателю, он будет ближе, и вы лучше, чем кто-либо, поймете его.

Ваш А.Блок

P. S. Я отобрал 6 стихотворений и направил с ними к Сергею Митрофановичу. Посмотрите и сделайте все, что возможно.

22 апреля 1915 г. ...Писал к Минич и к Есенину...

Дорогой Сергей Александрович!

Сейчас очень большая во мне усталость и дела много. Потому думаю, что пока не стоит нам с Вами видеться, ничего существенно нового друг

другу не скажем. Вам желаю от души остаться живым и здоровым. Трудно загадывать вперед, и мне даже думать о Вашем трудно, такие мы с Вами разные; только все-таки я думаю, что путь Вам, может быть, предстоит не короткий, и, чтобы с него не сбиться, надо не торопиться, не нервничать. За каждый шаг свой рано или поздно придется дать ответ, а шагать теперь трудно, в литературе, пожалуй, всего труднее. Я все это не для прописи Вам хочу сказать, а от души: сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унес и чтобы болото не затянуло.

Будьте здоровы, жму руку

Александр Блок.

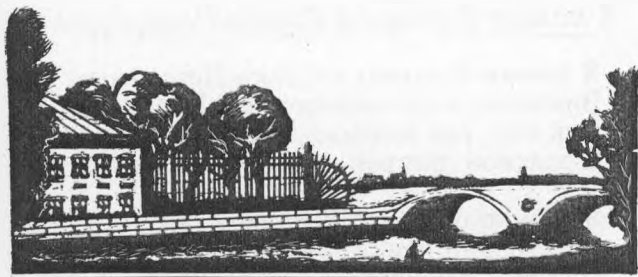
Из поэмы «Возмездие»

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминуемый,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен,
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

13 июля 1916 г.

(Ответ А. Блока на стихотворение
С. Есенина, написанное
в альбом М. Мурашеву)

Рюрик Ивнев

Сергею Есенину

(Акростих)

Сурова жизнь — и все ж она
Елейно иногда нежна.
Раз навсегда уйди от зла,
Гори, но не сгорай дотла.
Есть столько радостей на свете,
Юнее будь душой, чем дети.
Едва ли это не судьба, —
Сегодня мы с тобою вместе,
Еще день, два, но с новой вестью
Нам станет тесною изба.
Игра страстей, любви и чести
Несет нам муки, может быть.
Умей же все переносить.

1919 г.

Я помню Есенина в Санкт-Петербурге

Я помню Есенина в Санкт-Петербурге,
Внезапно поднявшегося над Невой,
Как сон, как виденье, как дикая вьюга,
С зеленой листвой и льняной головой.

Я помню осеннего Владивостока
Пропахший неистовым морем вокзал
И Павла Васильева с болью жестокой
В еще не закрытых навеки глазах.

А годы неслись, как горячие кони,
Посевы топча и сжигая сердца...
И вот я другие сжимаю ладони
И юности вечной не вижу конца.

Другого поэта я слышу дыханье,
И Русь, воплотившись на миг в пастуха,
Меня осыпает, как щедрю данью,
Горячим дождем золотого стиха.

1965 г.

Николай Клюев

Поэту Сергею Есенину

1

Изба — святилище земли,
С запечной тайною и раем:
По духу росной конопли
Мы сокровенное узнаем.

На грядке веников ряды —
Душа берез зеленоустых...
От звезд до луковой гряды
Все в вещем шепоте и хрустах.

Земля, как старище-рыбак,
Сплетает облачные сети,
Чтоб уловить загробный мрак
Глухонемых тысячелетий.

Провижу я: как в верше сом,
Заплещет мгла в мужицкой длани, —
Золотобревный, отчий дом
Засолнцевсет на поляне.

Пшеничный колос-исполин
Двор осенит целящей тенью...
Не ты ль, мой брат, жених и сын,
Укажешь путь к пресображенью?

В твоих глазах дымок от хат,
Глубинный сон речного ила,
Рязанский маковый закат —
Твои певучие чернила.

Изба — питательница слов —
Тебя взрастила не напрасно:
Для русских сел и городов
Ты станешь Радуницей красной.

Так не забудь запечный рай,
Где хорошо любить и плакать!
Тебе на путь, на вечный май,
Сплетаю стих — матерый лапоть.

2

У тебя, государь, новое ожерелье...

Слова убийц св. Дмитрия-царевича.

Елушка-сестрица,
Верба-голубица,
Я пришел до вас:
Белый цвет Сережа,
С Китоврасом схожий,
Разлюбил мой сказ!

Он пришелец дальний,
Серафим опальный,
Руки — свитки крыл,
Как к причастью звоны,
Мамины иконы,
Я его любил.

И в дали предвечной
Светлый, трехвенечный,
Мной провиден он.
Пусть я некрасивый,
Хворый и плешивый,
Но душа, как сон.

Сон живой, павлиний,
Где перловый иней
Запустил окно,
Где в углу за печью
Чародейной речью
Шепчется Оно.

Дух ли это Славы,
Город златоглавый,
Савана ли плеск?
Только шире, шире
Белизна псалтири —
Нестерпимый блеск.

Тяжко, светик, тяжело!
Вся в крови рубашка...
Где ты, Углич мой?..
Жертва Годунова,
Я в глуши еловой
Восприму покой.
Буду в хвойной митре,
Убиенный Митрий,
Почивать, забыт...
Грянет час вселенский,
И собор Успенский
Сказку приютит.

1916—1917 гг.

Плач о Есенине

(Отрывок)

Рожоное мое дитяtko, матюжник милый,
Грoбoвая дoскa — вceм грeхaм пoкрышкa.
Прoсти ты мeня, бoрoвa, чтo кaбaньeй силoй
Не вcпoил я тeбя дo злaтoгo излишкa!

Злaтoй же удeл — быть пчeлoй жирoвoй,
Блyкcти тaйники, мeдoвыe cрyбы.
Дa oбрoнил ты знaхapcкyю гpивнy —
пoбpaтимoвo слoвo.
Цeлoвaть лишь кoвpигy, cолнцe дa цвeт гoлyбый.

C тoбoю бы лeчь вo чecтнoй грoб,
Bo жeлты пeски, дa нe c вepeвкoй нa шee!..
Быль или нe быль тo, чтo y рyccкиx тpoп
Вырacтaют цвeты твoих глaз синee?
Тoлькo мнe гopюнy — гopынь-тpaвa...
Oвдoвeл я бeз тeбя, кaк пeчь бeз пoмaльцa,
Кaк бeз Нacтeньки гopeнкa, гдe шeлки дa кaнвa
Кapaулят пycтыe, нeшитыe пaльцa!

1926 г.

Михаил Герасимов

Памяти Есенина

Есенин — нежное имя,
Соловьиный звон.
Кудрями золотыми
Звенел веселый клен.

Из солнечного ливня
Весеннее лицо
Овеял ветер нивный
Цветочною пылью.

Образ чист и ясен,
Весь в кликах журавлей,
Ты, как светлый яшень
Над синевой полей.

Цвел пшеничный колос
С васильками глаз.
Соловьиный голос
Брызгал счастьем в нас.

Вдруг город громыханьем —
Грозой в твоё чело.
Полярное дыханье
До смерти обожгло.

Разбился милый голос,
Осыпались цветы.
И, как осенний колос,
Сломался хрупко ты.

За песни, за страданье
В родимых краях
Звенит в веках рыданье
Подстреленного соловья.

1926 г.

Александр Ширяевец

Три витязя

(Отрывок из статьи)

...Весь русский, молодец молодцом, звонкоголосый Есенин. Он еще юноша, выступивший только в этом году со своей «Радуницей», но какой крепкий голос у него, какая певучесть в его чеканных строчках...

Любимой невесте — России подарены следующие строки одного из есенинских стихотворений, проникнутого почти юношеским восторгом преклонения перед чудодейной родиной:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!» —
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Сергей Есенин свеж и юн. Он, как это принято говорить, «весь в будущем». Радуюсь за кудрявого песенника, мы невольно вспоминаем некрасовское:

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных — то и знай...

(Из газеты «Известия ТуркЦИК») 1918 г.

Валерий Брюсов

Вчера, сегодня и завтра русской поэзии

(Отрывок из статьи)

...Третий видный имажинист, С. Есенин, начал как «крестьянский» поэт. От этого периода он сохранил гораздо больше непосредственности чувства, нежели его сотоварищи; в книгах Есенина («Радуница», 1915 г., «Голубень», 1918 г., «Прображение», 1921 г., «Трерядница», 1921 г., «Исповедь хулигана», 1921 г., «Пугачев», 1922 г., и др.) есть прекрасные стихотворения, например, те, где он скорбит о гибели деревни, сокрушаемой «железным гостем» (фабрика), и те, где поэт остается чистым лириком настроений; у Есенина четкие образы, певучий стих и легкие, хотя однообразные, ритмы; но все эти достоинства противоречат имажинизму, и его влияние было скорее вредным для поэзии Есенина.

1922 г.

Иван Приблудный

*Любимому учителю моему
Сергею Есенину*

Город кирпичный, грозный, огромный,
Кто не причалит к твоим берегам...
Толпами скал от Москвы до Коломны —
Камень на камне, рокот и гам.

В этом саду соловья не услышишь,
И каменный сад соловья не поймет...
С балкона любуюсь на тучи, на крыши,
На вечно немолчный людской хоровод.

И вот у ворот стооконного дома:
Зеленые крылья, высокий лик,
Буйная песня с детства знакома,
До боли знаком шелестящий язык.

Снились мне пастбища, снились луга мне,
Этот же сон — на сон не похож...
— Тополь на севере! Тополь на камне!
Ты ли шумишь здесь и ты ли поешь?

В этих трущобах я рад тебя встретить,
Рад отдохнуть под зеленым крылом,
Мы ли теперь одиноки на свете!
Нам ли теперь вздыхать о былом!

Тесно тебе под железной крышей,
Жутко и мне у железных перил:
— Так запевай же! Ты ростом повыше,
Раньше расцвел здесь и больше жил.

Я еще слаб, мне — едва восемнадцать,
Окрепну — и песней поспорим с тобой,
Будем, как дома, — шуметь, смеяться,
Мой стройный, кудрявый, хороший мой...

Эта ли встреча так дорога мне,
Шелест ли тронул так душу мою...
— Тополь на севере! Тополь на камне!
Ты ли шумишь и тебе ль пою!!!

1924 г.

Исаак Бабель

(Отрывок из письма)

...Встретил Сережу Есенина, мы провели с ним весь день. Я вспоминаю эту встречу с умилением. Он вправду очень болен, но о болезни не хочет говорить, пьет горькую... Я не знаю — его конец близок ли, далек ли, но стихи он пишет теперь величественные, трогательные, гениальные! Одно из этих стихотворений я переписал и посылаю вам. Не смейтесь надо мной за этот гимназический поступок; может быть, прощальная эта Сережина песня ударит вас в сердце так же, как и меня. Я все хожу здесь по роще и шепчу ее.

Эх, любовь-калинушка, кровь — заря вишневая,*
Как гитара старая и как песня новая.

С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха —
Все равно любимая ответит черемухой.

* В письме И. Бабеля стихотворение приведено не полностью (Прим. ред).

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, была — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

14 июня 1925 г.

Василий Казин

Памяти Сергея Есенина

Эх, Сергей, ты сам решил до срока
Завершить земных волнений круг...
Знал ли ты, что станет одинока
Песнь моя, мой приумолкший друг!

И каким родным по духу словом
Пели мы — и песнь была тиха.
Видно, под одним народным кровом
Мы с тобой растили дар стиха.

Даже и простое восклицанье
Часто так и славило без слов,
Что цвело певучее братанье
Наших русских песенных стихов.

И у нас — о, свет воспоминаний! —
Каждый стих был нежностью похож:
Только мой вливался в камень зданий,
Твой — в густую золотую рожь.

И, влеком судьбою полевою,
Как и я — судьбою городской,
Ты шагал крестьянскою тропюю,
Я шагал рабочей мостовой.

Ты шагал... и, мир вбирая взглядом,
Вдохновеньем рвался в пастухи:
Милым пестрым деревенским стадом
Пред тобой стремился мир стихий.

На пути, и нежный и кудрявый,
Ты вкусил горячий мед похвал.
И кузнец, создатель каждой славы, —
И тебя мой город петь призвал.

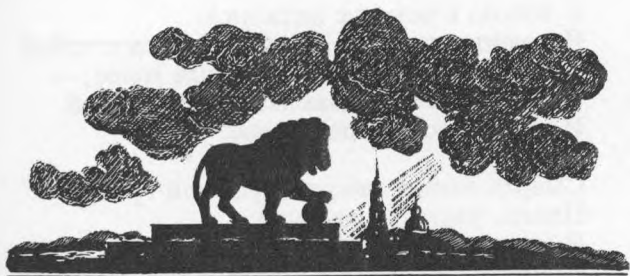
Пел. Но в нем, пристрастьем непрестанным
Утвердив лихие кутежи,
Сам затмил ты огненным стаканом
Золотой любимый облик ржи.

Где же ты, зеленых кос небрежность?
Где пробор березки при луне?
И пошел тоскливую мятежность
Разносить, как песню по стране.

Знать, не смог ты, друг, найти покою —
И под пьяный тягостный угар
Затянул смертельною петлею
Свой чудесный стихотворный дар.

Хоть земля твой облик крепко скрыла,
Мнится бледной памяти моей,
Что вот-вот — и свежая могила
Вспыхнет золотом кудрей
И стихов испытанная сила
Запоет о благодати полей.

1925 г.

Елизавета Полонская

Есенину

1

И цвет волос моих иной,
И кровь моя горчей и гуще, —
Голубоглазый и льняной,
Поющий, плачущий, клянущий.
Ты должен быть мне чужд, как лесть
Неистовств этих покаянных,
Ты должен быть мне чужд, но есть
В твоих светловолосых странах
Волненье дивное. Меня
Волной лирической ответной
Вдруг сотрясает всю, и я,
Как камертон, едва заметной
Издаю тебе откликнусь дрожью,
Затем что не звучать с тобою невозможно.

2

Ты был нашей тайной любовью. Тебя
Мы вслух называть не решались,
Но с каждою песней, кляня и любя,

С тобою в безумье метались.
Я помню, пришли мы проститься с тобой
На смертный, последний твой голос, —
Чтоб врезались в память лик восковой
И твой золотеющий волос.

Смерть любит заботы: дубовый гроб,
Цветы, рыдания разлуки,
И книжечки тоненькие стихов
Положены в мертвые руки.

Мы сами внесли тебя в черный вагон,
Мы сами. Не надо чужих!
Пускай укачает последний твой сон
Круженье колес поездных.

Прощай, златоглавый! Счастливый путь
Тебе от шутейского братства!..

1925 г.

Петр Орешин

Сергей Есенин

Сказка это, чудо ль,
Или это — бред:
Отзвенела удаль
Разудалых лет.

Песня отзвенела
Над родной землей.
Что же ты наделал,
Синеглазый мой?

Отшумело поле,
Пролилась река,
Русское раздолье,
Русская тоска.

Ты играл снегами,
Ты и тут и там
Синими глазами
Улыбался нам.

Кто тебя, кудрявый,
Поманил, позвал?
Пир земной со славой
Ты отпировал.

Было это, нет ли,
Сам не знаю я.
Задушила петля
В роще соловья.

До беды жалею,
Что далёко был
И петлю на шею
Не перекусил!

Кликну, кликну с горя,
А тебя уж нет.
В черном коленкоре
На столе портрет.

Дождичек весенний
Окропил наш сад.
Песенник Есенин,
Синеглазый брат,

Вековая просинь,
Наша сторона...
Если Пушкин — осень,
Ты у нас — весна!

В мыслях потемнело,
Сердце бьет бедой.
Что же ты наделал,
Раскудрявый мой?!

1926 г.

...В жизни Сергей Есенин мог быть великодушным и равнодушным, но в искусстве он был ревнив и беспощаден... Служа искусству, Сергей Есенин был величайшим лириком своего времени, а следовательно, и душой всей современной ему поэзии, и обнаженная душа эта горела ярким лирическим пламенем, как ночной костер, возле которого грелись поэты и читатели. Служа искусству, Сергей Есенин чеканил каждую строфу до полного ее совершенства, вынашивал каждый свой образ до положительной ясности и каждую мысль любовно облекал в свою собственную плоть и кровь.

Сергей Есенин был певцом человеческой юности. Сила жизни и красота человеческой молодости — вот основной и несменяющийся лейтмотив есенинского творчества:

Я более всего весну люблю,
Люблю разлив стремительным потоком,
Где каждой щепке, словно кораблю,
Такой простор, что не окинешь оком.

Недаром он на все голоса благодарит и благословляет земную жизнь, которую он прожил с такой жадностью... И в тот час, когда его впервые посетил «черный человек» и внушил ему, что он «очень и очень болен», Сергей Есенин обеими руками схватился за свою кудрявую голову, увидел черный конец свой и ужаснулся. Этой статьей мы чтим память величайшего русского поэта-лирика, обнажившего себя беспощадно, воспевавшего Русь советскую, вечную юность земли и человека на ней.

1927 г.

Игорь Северянин

Есенин

Он в жизнь вбегал рязанским простаком,
Голубоглазым, кудреватым, русым,
С задорным носом и веселым вкусом.
К уладам жизни солнышком влеком.

Но вскоре бунт швырнул свой грязный ком
В сиянье глаз. Отравленный укусом
Змей мятежа, злословил над Иисусом,
Сдружиться постарался с кабаком...

В кругу разбойников и проститутток,
Томясь от богохульных прибауток,
Он понял, что кабак ему поган...

И Богу вновь раскрыл, раскаясь, сени
Неистойвой души своей Есенин,
Благочестивый русский хулиган...

1925 г.

* * *

...Недаром имя у него Есенин. Есенин — весенний гений — так хорошо рифмуется. В нем есть действительно что-то гениально-весеннее. Сергей — гордость русского народа. Его стих — живой родник. Нет у Есенина притянутых за волосы строк! И как всё искренне! Искренность чувствуется у него во всем, даже в ритмах, таких сердечных и простых. Кажется, в них пульсирует сама жизнь, сама русская стихия.

Да, его стихи рождены русской стихией.

1941 г.

Галина Бениславская

Воспоминания о Есенине

...Слегка откинув назад голову и стан, начинаст читать:

Плюйся, ветер, охапками листьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.

Он весь стихия, озорная, непокорная, безудержная стихия, не только в стихах, а в каждом движении, отражающем движение стиха. Гибкий, буйный, как ветер, о котором он говорит, да нет, что ветер, ветру бы у Есенина призанять удали. Где он, где его стихи и где его буйная удаля — разве можно отделить?! Все это слилось в безудержную стремительность, и захватывают, пожалуй, не так стихи, как эта стихийность.

Потом он читал «Трубит, трубит погибельный рог!..» Что случилось после его чтения, трудно передать. Все вдруг повскакивали с мест и бросились к эстраде, к нему. Ему не только кричали, его молили: «Прочитайте еще что-нибудь»... Опомнившись, я увидела, что я тоже у самой эстрады. Как я там очутилась, не знаю и не помню. Очевидно, этим ветром подхватило и закрутило и меня.

* * *

...В Политехническом музее объявлен конкурс поэтов... Наивность наша в отношении Есенина не знала пределов. За кого же нам голосовать? Робко решаем — за Есенина, смущены, потому что не понимаем — наглость это с нашей стороны или мы действительно правы в нашем убеждении, что Есенин первый поэт России. Но все равно голосовать будем за него. И вдруг — разочарование! Участвует всякая мелюзга, а Есенин даже не пришел. Скучно и неинтересно стало. Вдруг поворачиваю голову налево к входу и... внизу у самых дверей виднеется золотая голова! Я вскочила с места и на весь зал вскрикнула: «Есенин пришел!» Сразу суматоха и переполох. Начался вой: «Есенина, Есенина, Есенина!» Часть публики шокирована. Ко мне с насмешкой кто-то обратился: «Что, вам про луну хочется послушать?» Огрызнулась только и продолжала с другими вызывать Есенина. Есенина на руках втащили и поставили на стол — не читать невозможно было, все равно не отпустили бы. Прочел он немного, в конкурсе не участвовал, выступал вне конкурса, но было ясно, что ему и незачем участвовать, ясно, что он, именно он — первый.

* * *

...После заграницы Сергей Александрович почувствовал в моем отношении к нему что-то такое, чего не было в отношении друзей, что для меня есть ценности выше моего собственного благополучия. Помню, осенней ночью шли мы по Тверской к Александровскому вокзалу. Так как Сергей Александрович тянул нас в ночную чайную, то, естественно, разговор зашел о его болезни (Есенин и

Вержбицкий шли впереди). Это был период, когда Сергей Александрович был на краю, когда он иногда сам говорил, что теперь уже ничто не поможет, и когда он тут же просил помочь выкарабкаться из этого состояния и помочь кончить с Дункан...

Когда Сергей Александрович переехал ко мне, ключи от всех рукописей и вообще от всех вещей дал мне, так как сам терял эти ключи, раздавал рукописи и фотографии, а что не раздавал, то у него тащили сами. Он же замечал пропажу, ворчал, ругался, но беречь, хранить и требовать обратно не умел. Насчет рукописей, писем и прочего сказал, чтобы по мере накопления все ненужное в данный момент передавать на хранение Сашке (Сахарову): — У него мой архив, у него много в Питере хранится. Я ему все отдаю.

1926 г.

Александр Воронский

Памяти Есенина

(Из воспоминаний)

Осенью 1923 года в редакционную комнату «Красной нови» вошел сухощавый, стройный, немногим выше среднего роста человек лет двадцати шести — двадцати семи. На нем был совершенно свежий, серый, тонкого английского сукна костюм, сидевший как-то удивительно приятно. Перекинутое через руку пальто блестело подкладкой. Вошедший неторопливо огляделся, поставил в угол палку со слоновым набалдашником и, стягивая перчатки, сказал тихим, приглушенным голосом:

— Сергей Есенин. Пришел познакомиться.

Хозяйственный и культурный подъем тогда еле-еле намечался. Люди еще не успели почиститься и приодеться. Поэтам и художникам жилось совсем туго, как, впрочем, живется многим и теперь, и потому весь внешний вид Есенина производил необычайное и непривычное впечатление. И тогда же отметилось: правильное, с мягким овалом простое и тихое его лицо освещалось спокойными, но твер-

дыми голубыми глазами, а волосы невольно заставляли вспоминать о нашем поле, о соломе и ржи. Но они были завиты, а на щеках слишком открыто был наложен, как я потом убедился, обильный слой белил, веки же припухли, бирюза глаз была замутнена, и оправы их сомнительны. Образ сразу раздвоился: сквозь фатоватую внешность городского уличного повесы и фланера проступал простой, задумчивый, склонный к печали и грусти, хорошо знакомый облик русского человека средней нашей полосы. И главное: один облик подчеркивал несхожесть и неправдоподобие своего сочетания с другим, словно кто-то насильственно и механически соединил их, непонятно зачем и к чему. Таким Есенин и остался для меня до конца дней своих не только по внешности, но и в остальном...

Прощаясь, он заметил:

— Будем работать и дружить. Но имейте в виду: я знаю — вы коммунист. Я — тоже за Советскую власть, но я люблю Русь. Я — по-своему. Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет.

Он сказал это улыбаясь, полушутя, полусерьезно.

* * *

...Морозной зимней ночью, кажется, у «Стоила Пегаса» на Тверской, я увидел его вылезавшим из саней. На нем был цилиндр и пушкинская крылатка, свисающая с плеч почти до земли. Она расползалась, и Есенин старательно закутывался в нее. Он был еще трезв. Пораженный необыкновенным одеянием, я спросил:

— Сергей Александрович, что все это означает и зачем такой маскарад?

Он улыбнулся рассеянной, немного озорной улыбкой, просто и наивно ответил:

— Хочу походить на Пушкина, лучшего поэта в мире. — И расплатившись с извозчиком, прибавил: — Очень мне скучно.

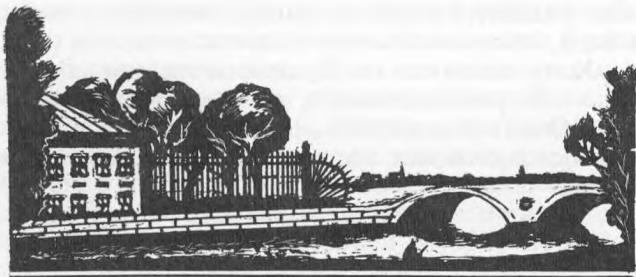
Он показался мне капризным и обиженным ребенком.

* * *

...Стихи и песни Есенина были хорошо известны читающей России. Даже те, кому наиболее чуждыми казались его основные поэтические настроения, не могли равнодушно отнестись к его творчеству: его стихи доходили, цеплялись за сердце и находили отклик у каждого по-своему... Есенин сумел свою любовь к родимому краю передать в стихе, простом, доступном и захватывающем искренностью, напряжением и лиризмом...

1926 г.

Дмитрий Фурманов

Сереза Есенин

Я сижу, вспоминаю последние мои с Серезей встречи. А прежде всех — самую наипоследнюю. Пришел он с неделю-полторы назад к нам в отдел — мы издаем ведь его собрание сочинений, так ходил часто по этому делу. Входит в отдел... пьяненький... вынул из бокового кармана сверток листочков — там поэма, на машинке.

— Прочешь, что ли?

— Читай, читай, Сереза.

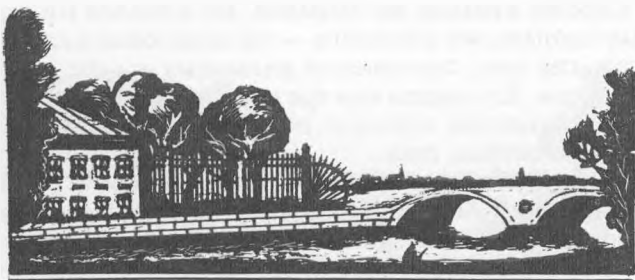
Мы его окружили: Евдокимов Иван Васильевич, я, Тарас Родионов, кто-то еще. Он читал нам последнюю свою, предсмертную поэму. Мы жадно глотали ароматичную, свежую, крепкую прелесть есенинского стиха, мы сжимали руки один другому, переталкивались в местах, где уже не было силы радость удержать внутри. А Сереза читал. Голос у него знаете какой — осипло-хриплый, испитой до шипучего шепота. Но когда он начинал читать — увлекался, разгорался, тогда и голос крепчал, ясел; он читал, Сереза, хорошо. В читке его, в собственной, в есенинской, стихи выигрывали.

Сереза никогда не ломался, не кичился ни стихами своими, ни успехами — он даже стыдился, избегал, где мог, проявления внимания к себе, когда был трезв. Кто видел его трезвым, тот запомнит, не забудет никогда кроткое по-детски мерцание его светлых голубых глаз.

И если улыбался Сереза, тогда лицо его становилось вовсе младенческим: ясным и наивным... Преобразался, как святой перед пуском в рай, не узнать Серезу: вздрагивали радостью глаза, весь его корпус опрошался и облегчался, словно скинув с себя путы или камни, голос становился тем же обычным, задушевным, как всегда, без гортанного клёкота. И Сереза говорил о любимом: о стихах.

1925 г.

Корнелий Зелинский

Воспоминания

(Отрывок)

...В хорошей основе есенинской лирики было то, что могло развиваться в направлении, предуказанном Пушкиным. В этом хорошем есенинском есть огромное дружелюбие к людям, правдивость, реализм чувства и талант воплощения бытия не только в его отдельных предметах, явлениях, картинах природы, человеческих переживаниях, но поистине в одних дуновениях жизни.

Таковы черты, характеризующие главное направление в развитии языка и стиля Есенина. Учителями Есенина (мы разумею лучшее, передовое в нем) была народная поэзия, затем Пушкин, Гоголь, Кольцов. Отчасти учителем Есенина был Блок.

Но главным светочем для Есенина был гений Пушкина. У Пушкина Есенин учился создавать кристалл словесной формы. И не пушкинская ли «лелеющая душу гуманность» (по выражению Белинского) была ближе всех Есенину с его милосердной человечностью?..

Ведь за это и полюбили люди Есенина на нашей
политой кровью и железом потрясенной Земле. Мы
встречаем его с чувством благодарности за все, чем
он помог нам разбудить «в сердце ландыши вспых-
нувших сил».

(Из книги К. Л. Зелинского
«В изменяющемся мире», 1969 г.)

Сергей Коненков

Воспоминания

...Весной двадцатого года Есенин позировал мне для портрета. Сеансы продолжались с неделю. Я вылепил из глины бюст, сделал несколько карандашных рисунков... Есенинский бюст я переводил в дерево без натуры, корректируя сделанный с натуры портрет по сильному впечатлению, жившему во мне с весны восемнадцатого года. Тогда на моей пресненской выставке перед толпой посетителей Есенин читал стихи. Возбужденный, радостный. Волосы взъерошены, наморщен лоб, глаза распахнуты.

Звени, звени, золотая Русь.
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, золотая Русь...

Пока я работал над бюстом, все время держал в памяти образ поэта, читающего стихи рабочим прохоровской мануфактуры — они тогда пришли экскурсией на выставку. Читая стихи, Есенин выразительно жестикулировал. Светлые волосы его рассу-

пались. Поправляя их, он поднял руку к голове и стал удивительно искренним, доверчивым, милым.

Нет, наши отношения с Есениным не были идиллическими. Мы, случалось, спорили и громко, и рьяно, но никогда не переступали при этом границ взаимного дружеского расположения. Обычным предметом столкновения была космогония, к которой я в поисках смысла мироздания испытывал неукротимый интерес, Есенин же был человеком истинно чтившим все земное... Как ни в ком из поэтов того времени, жила в нем глубокая и чистая любовь к Родине, к России. С какой искренностью и задором сказано им:

Если кликнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю».
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

...Есенину очень нравилась моя пресненская обитель. Во ржи и васильках, с поленницей дров возле сарая, с дневавшими и ночевавшими тут знаменитыми музыкантами и мудрыми слепцами. Он всегда появлялся неожиданно и бесшумно: старался застать живую песню.

...Случалось, Есенин без предупреждения надолго пропадал и появлялся столь же неожиданно. Как-то за полночь стук в дверь. На улице дождь, сверкает молния. «Наверное, Сергей», — подумал я.

— Кто там?

— Это я — Есенин. Пусти!

По голосу понял, что друг мой помимо дождя где-то изрядно подмок. И теперь вот среди ночи колобродит. Дай, думаю, задам ему загадку, решил я спросонья, совершенно упустив из виду, что человек под дождем стоит.

— Скажи экспромт — тогда пущу.

Минуты не прошло, как из-за двери послышался чуть с хрипотцой, громогласный в ночи есенинский баритон:

Пусть хлябь разверзнулась!
Гром — пусть!
В душе звенит святая Русь.
И небом лающий Коненков
Сквозь звезды пролагает путь.

Пришлось открывать. Вечер поэта Сергея Есенина во флигеле дома номер девять на Пресне закончился на рассвете. Ночи не было.

Читал он так, что душа замирала. Строки его стихов о красногривом жеребенке сердце каждого читающего переполняют жалостливым чувством, а вы попробуйте представить, какую глубокую сердечную рану наносил он своим голосом, когда одновременно сурово и нежно, неторопливо выговаривал трогательные слова:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

С Есениным мы ходили на журавлиную охоту. Завидя нас, когда мы были за версту от них, журавли поднимались. А баб, которые жали рожь в подмосковном поле в пятидесяти шагах от них, не боялись. Какне догадливые птицы журавли! А мы хоть и издалека их увидели, и тому рады. Не зря десять верст прошагали.

...В первых числах мая 1922 года Дункан увезла Есенина в Европу, а затем в Америку. Вернулся он в августе 1923-го.

Появившись у нас на Пресне, сразу же спросил:
— Ну, каков я?

Дядя Григорий без прѳмедления влепил:

— Сергей Александрович, я тебе скажу откровенно — забурел.

Но очень скоро заграничный лоск с него сошел, и он стал прежним Сережей Есениным — загадочным другом, российским поэтом.

Стояли последние жаркие дни недолгого московского лета. Большой шумной компанией отправились купаться... Повеселились вволю. По дороге к дому Есенин, вдруг погрузневший, стал читать неизвестные мне стихи.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.
Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком...

Тяжелая тоска послышалась мне в его голосе. Я перебил его:

— Что ты? Не рано ли?

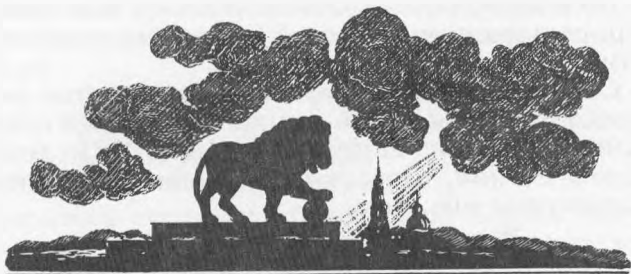
А он засмеялся.

— Ничего, — говорит, — не рано.

И опять Есенин пропал из моего поля зрения. На этот раз — навсегда.

1965 г.

Вольф Эрлих

Право на песнь

Рязань

Вечер. Есенин лежа правит корректуру «Москвы кабацкой».

— Интересно!

— Свои же стихи понравились?

— Да нет, не то! Корректор, дьявол, второй раз в «рязанях» заглавную букву ставит! Что ж он думает, я не знаю, как Рязань пишется?

— Это еще пустяки, милый! Вот когда он пойдет за тебя гонорар получать...

— Ну, уж это нет! Три к носу, не угодно ли?

Пальцы левой руки складываются в комбинацию. Кончив корректуру, он швыряет ее на стол и встает с дивана.

— Знаешь, почему я — поэт, а Маяковский так себе — непонятная профессия? У меня родина есть! У меня — Рязань! Я вышел оттуда, и, какой ни на есть, а приду туда же! А у него — шиш! Вот он и бродит без дорог, и ткнуться ему некуда. Ты меня извини, но я постарше тебя. Хочешь добрый совет получить? Ищи родину! Найдешь — пан! Не най-

дешь — всё псу под хвост пойдет! Нет поэта без родины!

Смерть Ширяевца

— Да! Забыл сказать! Ширяевец-то ведь помер... Вот беда... Вместе сидели, разговаривали... Пришел домой и помер...

Он стучит кулаком по столу.

— Понимаешь? Хоронить надо, а оркестра нет! Я пришел в Наркомпрос: «Даеть оркестр!» — говорю. А они мне: «Нет у нас оркестра!» — «Даеть оркестр, не то с попами хоронить буду!»

— Ну и что? Дали?

Он успокоенно кивает головой:

— Дали.

Через полчаса он читает стихи:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать...

Приблудный

Приехал Приблудный. Ходит по городу в одних трусах. Выходим из дому — Есенин, я и голый Приблудный.

Есенин с первых же шагов:

— А знаешь, я с тобой не пойду! Не потому, что мне стыдно с тобой идти, а потому, что не нужно. Понимаешь? Не нужно! Ты что? Думаешь, я поверю, что ты из спортивных соображений голый ходишь? Брось, милый! Ты идешь голым потому, что это входит в твою программу! А мне это не нужно! Понимаешь? Уже не нужно! Ну так вот. Ты иди по левой стороне, а я — по правой.

С тем и расстались.

На улице

Саженный дядя лупит лошадь кнутовищем по морде. Есенин, белый от злости, кроет его по всем матерям и грозит тростью. Собирается толпа. Когда скандал ликвидирован, он снимает шляпу и, обмахиваясь ею, хрипит:

— Понимасшь? Никак не могу! Ну никак!

Проходим квартал, другой.

— А знаешь, кого я еще люблю? Очень люблю!

Он краснеет и заглядывает в глаза:

— Детей.

Москва

— Ну вот и Москва!

На полпути к трамваю он останавливается.

— Слушай! Я не могу к Гале с такими руками ехать! Надо зайти в парикмахерскую.

Заходим.

Через полчаса, рассматривая чистые, подстриженные ногти:

— Вот ты сейчас и Галю увидишь! Она красивая! И Катю увидишь! У меня сестры обе очень красивые!

— Молчи уж! Наизусть знаю! И сестры у тебя красивые, и дети у тебя красивые, и стихи у тебя красивые, и сам ты — красавец!

Он сдвигает шляпу на затылок и вызывающе тянет:

— А что? Нет?

Притча о цилиндрах

— Так-с... Хочешь притчу послушать?

— Сам сочинил?

— Ума хватит. Так вот! Жили-были два друга.

Один был талантливый, а другой — нет. Один писал стихи, а другой — (непечатное). Теперь скажи сам, можно их на одну доску ставить? Нет! Отсюда мораль: не гляди на цилиндр, а гляди под цилиндр!

Он закладывает левую руку за голову и читает:

Я ношу цилиндр не для женщин,
В глупой страсти сердце жить не в силе,
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

— Хотел бы я знать, хорошие это стихи или плохие?

Мальбрук в поход собрался

— Слушай! И слушай меня хорошо! Вот я, например, могу сказать про себя, что я — ученик Ключева. И это — правда! Ключев — мой учитель. Ключев меня учил даже таким вещам: «Помни, Сереженька! Лучший размер лирического стихотворения — двадцать четыре строки». Кстати: когда я умру, а это случится довольно скоро, считай, что ты получил это от меня в наследство. Но дело не в этом! Прежде всего: можешь ты сказать про себя, что ты — мой ученик?

— С глазу на глаз — могу.

— А публично?

— Только в том случае, если тебе сильно не повезет.

— Значит, никогда. Я — в сорочке родился. Вообще я что-то плохо тебя понимаю. Верней, не хочу понимать! Ну, да ладно! Во всяком случае я считаю себя обязанным (понимаешь? обязанным!) передать тебе все, что я знаю сам. Сегодня я тебя буду учить, как надо доставать деньги. Во-первых, я должен одеться.

Он с особенной тщательностью выбирает себе костюм, носки, галстук. Окончательно одевшись и дважды примерив перед зеркалом шляпу:

— Ну вот! А теперь я должен раздобыть себе на представительство. Идем к Гале!

Минуты через две честная трехрублевка ложится в задний карман его брюк.

— Есть! А теперь — пошли в парикмахерскую!

Выбритый и вымытый одеколоном, он уверенно идет по Тверской, скосив глаз на свое отражение в витринах.

Раньше чем войти в издательство, он покупает коробку «Посольских».

— Имей в виду! Папиросы должны быть хорошими! Иначе ничего не выйдет!..

Через час он помахивает перед моим носом пачкой кредиток.

— Видал? — Улыбается. — Ну то-то! А приди я к ним в драных штанах да без папирос, не видать нам этих денег до приезда Воронского.

Ласточка

Вечер.

Мы стоим на Москве-реке возле храма Христа-Спасителя.

Ласточка с писком метнулась мимо нас и задела его крылом за щеку.

Он вытер ладонью щеку и улыбнулся:

— Смотри, кацо: смерть — поверье такое есть, — а какая нежная!

1930 г.

Всеволод Рождественский

Сергей Есенин

(Из книги «Страницы жизни»)

В один из ясных июньских дней ленинградский литфонд организовал прогулку в Петергоф морем. С этой целью был откуплен рейс одного из пароходов. Предполагалось устроить в пользу литфонда выступление писателей с участием недавно вернувшихся из-за границы А. Н. Толстого и С. Есенина.

...Уже с полчаса, как пароход шел по ровной, спокойной глади Финского залива. Стая белых чаек вилась за кормой. Волнистым треугольником расходился теряющийся из глаз след. Монотонно хлопывали колеса.

Администратор решил, что пора начинать обещанный литературный концерт. Он хлопотливо собирал участников, что было далеко не легким делом, потому что все разбрелись кто куда по палубе и какотам.

Подбежал он и к Есенину.

Сергей долго отказывался и не дал себя уговорить.

Программа шла, постепенно оживляясь, — особенно после мастерского чтения А. Н. Толстым са-

тирических рассказов, живописующих быт российской эмиграции в Париже. Завязалась очень оживленная общая беседа. Вспомнили и о Есенине. Бросились искать его по пароходу. Но он словно в воду канул. Наконец вспотевший, запыхавшийся администратор, проходя мимо приподнятой створки матросского кубрика, услышал звуки баяна и знакомый голос. Заглянув сверху в полутемное помещение, он увидел, что на одной из коек, окруженный свободными от вахты матросами и кочегарами, сидел Есенин. Он сбросил свой модный пиджак, расстегнул ворот рубашки и старательно выводил на баяне всем знакомый деревенский мотив. Он пел свои стихи с необычайным увлечением и жаром. Голос звучал приятной хрипотцой, как всегда выговаривая русское «г» с мягким придыханием. Пропев строфу, Есенин бойко разливался в переборах, очевидно, тут же сочиняя все свои вариации. Чувствовалось, что баян был для него любимым и привычным делом.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Понемногу на палубе столпилась публика, покинувшая салон. Все стояли молча, боясь проронить хотя бы слово. А Есенин, не чувствуя над собой уже прискучившего любопытства, изливал душу в горячем затейливом напеве.

После этого он охотно выступил и на палубе, и хорошее настроение не покидало его до самого Петергофа.

* * *

С глубокой тоской рассказывал всегда Есенин о родном селе Константинове на берегах Оки и, ве-

роятно, из патриотического пристрастия, преувеличивал его красоты. Выходило, что другого такого места нет на земле. По крайней мере, он уверял меня в этом неоднократно. И с такой же любовью перечислял животных, памятных с детства, не забывая ни единого щенка или котенка. А в городе не мог равнодушно пройти мимо извозчичьей клячи, дворового пса. Сидя на скамеечке московского бульвара, любил подсвистывать птицам. С лохматыми собаками разговаривал на каком-то особом, вполне понятном им языке. И любое существо платило ему дружеской приязнью. Однажды возвращались мы вместе из гостей по одной из линий Васильевского острова. Над Невой поднималось чистое, омытое морской свежестью утро. Весь противоположный берег колыбался в светлой дымке. Дышалось легко и весело. С Есенина постепенно сходил хмель. Глаза его отражали синее и июльское небо.

Где-то у Академии художеств к нам пристал бездомный пес. Он шел робко, виновато, волоча понурый хвост. Есенин обернулся к нему и тихо свистнул.

— Что, собачка, колбаски хочешь?

Пес понимающе шевельнул хвостом. Сергей толкнул меня под локоть: «Смотри, улыбается!» И я действительно увидел подобие улыбки на унылой собачьей морде.

Мы проходили в это время мимо мелочной лавочки. Продавец только что снял болты со ставней. Есенин легко взбежал по ступенькам и потребовал целый круг дешевой колбасы и порядочную горбушку белого хлеба. Колбаса была разрезана на акkuratные мелкие кусочки.

Пес ожидал нас у крыльца, заранее облизываясь. Сергей присел перед ним на корточки, и началась

непередаваемая беседа. Трудно сказать, кто из них был более доволен. Пес, несмотря на весь свой голод, брал кусочки деликатно и не отказывался от промежуточных ломтиков хлеба. С той же, видимо, охотой выслушивал он и шуточные есенинские поучения.

Затем мы двинулись дальше. Собака не отставала ни на шаг. Скоро к ней присоединилась другая. Не успели мы дойти до моста, прибавилась третья. Все они получили свою долю и бежали за нами, весело облизываясь. Милиционер покосился на нас подозрительно, потому что теперь мы шли в сопровождении шести—восьми собак разных пород и темпераментов.

— Ну, однако, довольно, — сказал Есенин, разделив остатки хлеба и колбасы. — Позавтракали — и ладно. А теперь по домам!

И он, остановившись, свистнул каким-то особенным образом. Не отстававшие до тех пор псы сразу же рассыпались в разные стороны.

Сергей, довольный, сдвинул картуз на затылок и улюлюкнул им велед.

— Понимают! — добавил он с усмешкой. — Всякая тварь меня понимает. Я им свой человек!

* * *

Тяжела и незабываема была последняя наша встреча... В морозные мглистые дни конца декабря Сергей неожиданно появился в Ленинграде. Он говорил, что бежал из Москвы от рассеянной жизни, что он хочет работать и именно здесь, на невских берегах, найдет наконец так настойчиво ускользающий от него покой... О его приезде знали немногие. Есенин решительно отказался от всяких литературных выступлений и не заходил в редакции.

Было туманное колючее раннее утро, более похожее на сумерки. Все кругом скрипело от мороза. Я только что поднялся в верхний этаж Дома книги, как на столе затрещал телефон... Трубку взял оказавшийся рядом литературовед П. Н. Медведев. По выражению его лица я увидел, что произошло что-то необычное: звонили из гостиницы «Англетер», сообщали о том, что ночью в своем номере повесился С. А. Есенин. Просили сказать это друзьям. Мы ринулись к выходу... Начиналась метель. Сухой и злой ветер бил нам в лицо.

Дверь есенинского номера была полуоткрыта. Меня поразили полная тишина и отсутствие посторонних. Весть о гибели Есенина еще не успела облететь город.

Прямо против порога, несколько наискосок, лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо было страшным, — в нем, казалось, ничто не напоминало прежнего Сергея. Только знакомая легкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб. Одет он был в модные, недавно разглаженные брюки. Щегольский пиджак висел тут же на спинке стула. И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки лакированных ботинок. На маленьком плюшевом диване, за круглым столиком с графином воды, сидел милиционер в туго подпоясанной шинели и, водя огрызком карандаша по бумаге, писал протокол. Он словно обрадовался нашему прибытию и тотчас же заставил нас подписаться как свидетелей...

Обстановка номера поражала холодной, казенной неуютностью. Ни цветов на окне, ни единой книги. Чемодан Есенина, единственная его личная вещь, был раскрыт на одном из соседних стульев.

Из него клубком глянцеви́тых переливающихся змей вылезали модные заграничные галстуки. Я никогда не видел их в таком количестве. В белесоватом свете зимнего дня их ядовитая многоцветность резала глаза неуместной яркостью и пестротой. В окне мелькал косой летящий снег, и на фоне грязновато-белого неба темная глыба Исаакия казалась огромным колоколом, медленно раскачивающимся в холодном тумане.

...Через сутки тело Есенина, усыпанное цветами, лежало в маленькой комнатке тогдашнего Союза писателей на Фонтанке. Все кругом было строго, торжественно. Один за другим проходили прощавшиеся, иногда подолгу задерживаясь около гроба. Газеты называли Есенина талантливейшим лириком эпохи, печатали его неизданные стихи, окружали его имя уже ненужной ему теперь славой. Москва готовила торжественные похороны. Я глядел на строгое, вновь помолодевшее лицо Сергея. Теперь он был почти таким, как при жизни, только суровая складка неизгладимо легла между бровями.

Было много цветов. Были речи. Кто-то положил в изголовье несколько тоненьких книжек — стихи его молодости...

1945—1974 гг.

Сергей Городецкий

Сергею Есенину

Ты был мне сыном. Нет, не другом.
И ты покинул отчий дом,
Чтоб кончить жизнь пустым испугом
Перед весенним в реках льдом.

Ты выпил все, что было в доме,
И старый мед и древний яд,
Струя запутанный в соломе,
Улыбчивый и хитрый взгляд.

И я бездумно любовался
Твоей веселою весной
И без тревоги расставался
С тобой над самой крутизной.

А под горой, в реке, в теснинах,
Уже вставали дыбом льды,
Отец с винтовкой шел на сына,
Под пули внуков шли деды.

Былое падало в овраги,
И будущее в жизнь рвалось.
На мир надежды и отваги
Враги накапливали злость.

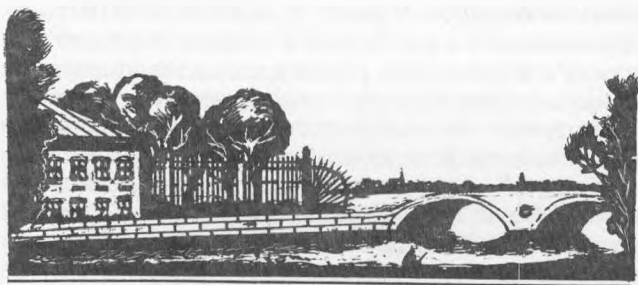
И разгорался бой упорный,
Винтовка приросла к рукам.
А ты скитался, беспризорный,
По заунывным кабакам.

Ты лебедем из грязи к славе
Рванулся дерзко. И повис.
Ты навсегда мой дом оставил,
И в нем другие родились.

Река несла под крутизною
Испуганный ребячий труп.
Ладонь обуглилась от зноя,
Сломались брови на ветру.

1927 г.

Юрий Либединский

Мои встречи с Есениным

Есенин был в черном, хорошо сшитом пальто, белесые кудри его мягко вились, выбиваясь из-под котелка, залихватски заломленного, его округлое и мягкое лицо привлекало шаловливым и добрым выражением.

Неужели этот простодушно-веселый молодой человек мог написать стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу...», прочитанное мною еще в начале 1922 года в журнале «Красная новь»? Пушкинская сила слышалась как в ритме этого стихотворения, так и в элегическом звучании его. «Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне...» — так мог сказать только Есенин. Он уже и до этого писал прекрасно, но в этом стихотворении поистине превзошел самого себя!

...У него было много друзей-приятелей, его любили. В обращении он был прост и весел, в трезвом виде и при людях, которых он не знал или знал мало, подчас даже молчалив и застенчив. В нем была та притягательность, которую мы определяем

словом «обаяние», с него не хотелось сводить глаз. Сохранившиеся портреты в общем передают прелесть его лица — его улыбку, то шаловливо-добродушную, то задумчивую, то озорную. Но ни один из его портретов не передаст того особенного выражения душевной усталости, какой-то понурости, которое порой, словно тень, выступало на его лице. Только сейчас понимаю я, что выражение это было следствием того творческого напряжения, которое не покидало его всю жизнь...

Взять хотя бы годы нашего знакомства — 1923, 1924, 1925 годы, — за это короткое время Есенин написал «Двадцать шесть» и «Песнь о великом походе», «Анну Снегину», «Ленин» и «Русь советскую».

Каждое из этих произведений хорошо по-своему, и каждое вошло в историю советской литературы, стало нашей классикой. Эти произведения следует давать читать школьникам. А сколько замечательных стихов, небольших и блестяще отграниченных, сверкающих, как драгоценные камни, создано за эти три года!

Правда, во многих из этих стихотворений — и чем ближе к концу Есенина, тем явственнее — слышим мы и болезненный надрыв, и ту особенную тоску, которую правильно называют смертной, — тоску, являющуюся симптомом подкрадывающейся душевной болезни. После трагической гибели поэта и до настоящего времени много писали о глубоких противоречиях в творчестве Сергея Есенина. При личном общении с поэтом наличие этих противоречий замечалось, что называется, невооруженным глазом. Ведь эти противоречия не были выдуманы поэтом, а являлись глубоким и серьезным отражением в его душе действительных явлений жизни, они были источником движения и развития его поэ-

зии, достигшей именно в последние годы его жизни необычайной яркости и изобилия. Но садоводам известны случаи, когда после изобильного цветения и плодоношения фруктовое дерево высыхает на корню. Такое время изобильного цветения и плодоношения пережил Есенин в последние годы своей жизни.

Но при этом вид у него был всегда такой, словно он бездельничает, и только по косвенным признакам могли мы судить о том, с какой серьезностью, если не сказать — с благоговением, относится он к своему непрерывающемуся, тихому и благородному труду...

Москва с плачем и стенанием хоронила Есенина. В скорби о нем соединилась вся, тогда разделенная на группы и враждебные направления, советская литература. Вряд ли есть поэт-современник, не посвятивший памяти Есенина хотя бы несколько строк...

Перед тем как отнести Есенина на Ваганьковское кладбище, мы обнесли гроб с телом его вокруг памятника Пушкину. Мы знали, что делали, — это был достойный приемник пушкинской славы.

1957 г.

— Прекратите!

Бросьте!

Вы в своем уме ли?

Дать, чтоб щеки

заливал

смертельный мел?!

Вы ж такое загибать

умели,

что другой

на свете

не умел.

Почему?

Зачем?

Недоуменье смяло.

Критики бормочут:

— Этому вина

то...

да се...

а главное,

что смычки мало,

в результате

много пива и вина. —

Дескать,

заменить бы вам

богему

классом,

класс влиял на вас,

и было б не до драк.

Ну, а класс-то

жажду

заливает квасом?

Класс — он тоже

выпить не дурак.

Дескать,

к вам приставить бы

кого из напостов —

стали б
содержанием
премного одаренней.

Вы бы
в день
писали
строк по сто,
утомительно
и длинно,
как Доронин.

А по-мосму,
осуществись
такая бредь,
на себя бы
раньше наложили руки.
Лучше уж
от водки умереть,
чем от скуки!

Не откроют
нам
причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.
Может,
окажись
чернила в «Англетере»,
вены
резать
не было б причины.
Подражатели обрадовались:
бис!

Над собою
чуть не взвод
расправу учинил.

Почему же
увеличивать
число самоубийств?
Лучше
увеличь
изготовление чернил!
Навсегда
теперь
язык
в зубах затворится.
Тяжело
и неуместно
разводить мистерии.
У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забулдыга подмастерье.

1926 г.

Василий Наседкин

Последний год Есенина

С той поры, как я приобрел тонкую тетрадную книжку стихов «Исповедь хулигана», я полюбил Есенина как величайшего лирика наших дней. Новая встреча с ним, после годичной разлуки, мне казалась счастьем. Но почти этого же я испугался. Мне тогда часто думалось, что рядом с Есениным все поэты «крестьянствующего» толка, значит, и я, не имели никакого права на литературное существование...

Последние месяцы Есенин был необычайно прост. Говорил немного и как-то обрывками фраз. Подолгу бывал задумчив. Случайно сказанное кем-нибудь из родных неискреннее слово его раздражало. Помню, на какой-то вопрос Есенина один молодой поэт затараторил так, как будто читал передовицу. Есенин остановил его и предложил говорить проще:

— Ты что, не русский, что ли, оскабливаешь каждое слово?

Сказано это было так, что поэт (очень самолюбивый) только «отряхнулся», сказал себе под нос «и правда» и заговорил другим языком...

Похоже было — на людей Есенин смотрел через какие-то свои, им самим сделанные розоватые очки. Люди у него все хорошие, порядочные. Но чувствовалось, что где-то глубоко у него затаено другое, которому Есенин сознательно не давал ходу.

1927 г.

Марина Цветаева

Памяти Сергея Есенина

...И не жалость — мало жил,
И не горечь — мало дал, —
Мно го жил — кто в на ши жил
Дни, все дал — кто песню дал.

Январь 1926 г.

* * *

...Одиночка Тютчев? Лесков, вместо своего поколения попавший в наше? Но так ведь можно дойти до Есенина, запоздавшего в свой край всего на десять лет. Родись он на десять лет раньше — пели бы — успели бы спеть — его, а не Демьяна. Для литературы эпохи показателен он, а не Демьян — показательный, может быть, но никак не для поэзии. Есенин, погибший из-за того, что заказа нашего времени выполнить не мог — из-за чувства очень близкого к совести: между завистью и совестью — зря погиб, ибо даже гражданский заказ нашего времени (множеств — единичному) выполнил.

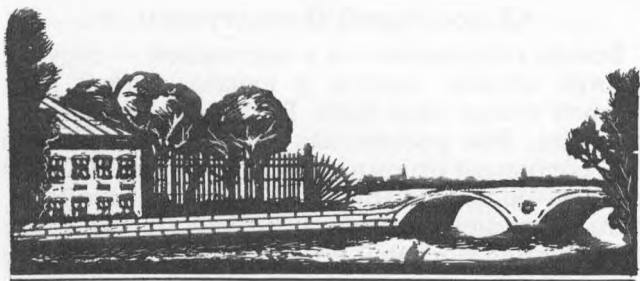
«Я последний поэт деревни...»

Всякая современность в настоящем — сосуществование времен, концы и начала, живой узел — который только разрубить. Всякая современность — пригород. Вся российская современность сейчас один сплошной огромный духовный пригород с деревнями-недеревнями и городами-негородами — место во времени, на котором Есенин, так и оставшийся между деревней и городом, и биографически был уместен...

Из Истории не выскочишь. Пойми это Есенин, он спокойно пел бы не только свою деревню, но и дерево над хатой, и этого бы дерева никакими топорами из поэзии XX в. не вырубить.

(Из статьи «Поэт и время». 1932 г. Январь.)

Владислав Ходасевич

Есенин

История Есенина есть история заблуждений. Идеальной мужицкой Руси, в которую верил он, не было. Грядущая Инония, которая должна была сойти с неба на эту Русь, — не сошла и сойти не могла. Он поверил, что большевицкая революция есть путь к тому, что «больше революции», а она оказалась путем к последней мерзости — к нэпу. Он думал, что верует во Христа, а в действительности не веровал, но, отрекаясь от Него и кощунствуя, пережил всю муку и боль, как если бы веровал в самом деле. Он отрекся от Бога во имя любви к человеку, а человек только и сделал, что снял крест с церкви да повесил Ленина вместо иконы и развернул Маркса, как Библию. И, однако, сверх всех заблуждений и всех жизненных падений Есенина остается что-то, что глубоко привлекает к нему. Точно сквозь все эти заблуждения приходит какая-то огромная, драгоценная правда. Что же так привлекает к Есенину и какая это правда?! Думаю, ответ ясен. Прекрасно и благородно в Есенине то, что он был бесконечно правдив в своем творчестве и перед

своею совестью, что во всем доходил до конца, что не побоялся осознать ошибки, приняв на себя и то, на что соблазняли его другие, — и за все захотел расплатиться ценой страшной. Правда же его — любовь к родине, пусть незрячая, но великая. Ее исповедовал он даже в облике хулигана: «Я люблю родину, я очень люблю родину!» Горе ему было в том, что он не сумел назвать ее: он воспевал и бревенчатую Русь, и мужицкую Руссию, и социалистическую Инонию, азиатскую Рассею, пытался принять даже СССР, — одно лишь верное имя не пришло ему на уста: Р о с с и я. В том и было его главное заблуждение, не злая воля, а горькая ошибка.

Февраль, 1926 г.

Георгий Иванов

Петербургские зимы

(Отрывки из повести)

...Без сомнения, Есенин очень талантливый поэт. Но так же несомненно, что дарование его нельзя назвать первоклассным. Он не только не Пушкин, но и не Некрасов или Фет. К тому же ряд обстоятельств — от слишком легкой и быстрой славы до недостатка культуры — помешали дарованию Есенина гармонически развиваться. И в его литературном наследстве больше падений и ошибок, чем славных находок и удач...

Но как-то, само собой, случилось так, что по отношению к Есенину формальная оценка кажется ненужным делом. Конечно, стихи Есенина, как всякие стихи, состоят из разных «пэонов, пиррихийев, анакруз». Конечно, и их можно под этим углом взвесить и разобрать. Но это вообще скучное занятие, особенно скучное, когда в ваших руках книжка Есенина. Химический состав весеннего воздуха можно тоже исследовать и определить, но ...насколько естественней просто вдохнуть его полной грудью...

И совершенно так же не хочется подходить к биографии и личности Есенина с обычными мерками: нравственно — безнравственно, допустимо — недопустимо, белое — красное. В отношении Есенина это тоже неважно и бесполезно. Важно другое. Например, такой удивительный, но неопровержимый факт: на любви к Есенину сходятся и шестнадцатилетняя «невеста Есенина», комсомолка, и пятидесятилетний, сохранивший стопроцентную непримиримость, «белогвардеец». Два полюса искаженного и раздробленного революцией русского сознания, между которыми, казалось бы, нет ничего общего, сходятся на Есенине, — т. е. сходятся на русской поэзии, т. е. на поэзии вообще, т. е. на том, суть чего Жуковский когда-то так хорошо определил:

Поэзия есть Бог в святых мечтах земли...

* * *

...Есенин — типичный представитель своего народа и своего времени. За Есениным стоят миллионы таких же, как он, только безымянных «Есениных» — его братья по духу, «соучастники-жертвы» революции. Такие же, как он, закруженные вихрем ее, ослепленные ею, потерявшие критерий добра и зла, правды и лжи, вообразившие, что летят к звездам, и шлепнувшиеся лицом в грязь. Променявшие Бога на «диамат», Россию на «Интернационал» и, в конце концов, очнувшиеся от угара у разбитого корыта революции. Судьба Есенина — их судьба, в его голосе звучат их голоса. Поэтому-то стихи Есенина и ударяют с такой «неведомой силой» по русским сердцам, и имя его начинает сиять для России наших дней пушкински-просветленно, пушкински-незаменимо.

Подчеркиваю: для России наших дней. То есть для того, что уцелело после тридцати двух лет нового татарского ига от Великой России. Ту былую Россию даже скупой на похвалы, холодный сноб Поль Валери назвал в своем дневнике «одним из трех чудес мировой истории» — Эллада, итальянский Ренессанс и Р о с с и я 19 века.

Достоевский сказал: «Пушкин — наше всё». И нельзя было точнее и вернее определить взаимоотношение Пушкина и России до революции. «Наше всё» значило, что величие Пушкина равно величию породившей его культуры, что имена Пушкина и России почти синонимы.

Увы! — Пушкин и СССР не только не синонимы, но просто несравнимые величины. Нельзя, пожалуй, опуститься ниже по сравнению с уровнем его божественной, нравственной и творческой гармонии, чем опустилась «страна пролетарской культуры», наша несчастная Родина! Обрести право опять назвать Пушкина «нашим всем», подняться до него — дело долгое и трудное, которое еще очень не скоро удастся России.

Значение Есенина именно в том, что он оказался как раз на уровне сознания русского народа «страшных лет России», совпал с ним до конца, стал синонимом и ее падения и ее стремления возродиться. В этом «Пушкинская» незаменимость Есенина, превращающая и его грешную жизнь и несовершенные стихи в источник света и добра. И поэтому о Есенине, не преувеличивая, можно сказать, что он наследник Пушкина наших дней.

* * *

...Он мертв уже четверть века, но все связанное с ним, как будто выключенное из общего закона

умирания, умиротворения, забвения, продолжает жить. Все, что его окружало, волновало, мучило, радовало, все, что с ним как-нибудь соприкасалось, до сих пор продолжает дышать трепетной жизнью сегодняшнего дня... Беспристрастно оценят творчество Есенина те, на кого это очарование перестанет действовать. Возможно, даже вероятно, что их оценка будет много более сдержанной, чем наша. Только произойдет это очень нескоро. Произойдет не раньше, чем освободится, исцелится физически и духовно Россия. В этом исключительность, я бы сказал, «гениальность» есенинской судьбы. Пока Родине, которую он так любил, суждено страдать, ему обеспечено не пресловутое «бессмертие», — а временная, как русская мука, и такая же долгая, как она, жизнь.

Париж. Февраль, 1950 г.

Иосиф Уткин

Слово Есенину

*...У людей, которым не по душе
кипенье и цветенье отчизны, ко-
торые сами себя признают негод-
ными для того, чтобы жить и ра-
ботать, нельзя отнимать права
умереть...*

М. Горький

Красивым, синеглазым
Не просто умирать.

.....
Он пел, любил проказы,
Стихи, село и мать...

Нам всем дана отчизна
И право жить и петь,
И кроме права жизни —
И право умереть.

Но отданные силой
Нагану и петле, —

Храним мы верность милой,
Оставленной земле.

Я видел, как в атаках
Глотали под конец
Бесстрашные вояки
Трагический свинец.

Они ли не рубили
Бездарную судьбу?
Они ли не любили
И землю,
И борьбу?

Когда бросают женщин,
Лукавых, но родных,
То любят их не меньше
И уходя от них.

Есть ужас бездорожья,
И в нем — конец коню!
И я тебя, Сережа,
Ни капли не виню.

Бунтующий и шалый,
Ты выкипел до дна.
Кому нужны бокалы,
Бокалы без вина?..

Кипит, цветет отчизна,
Но ты не можешь петь!
А кроме права жизни
Есть право умереть.

1926 г.

Александр Прокофьев

Легла дорога в Константиново

1

Легла дорога в Константиново,
Среди полей неширока.
Нас трижды в платьице сатиновом
Встречала вольная Ока.

Оно повыцвело от солнышка
И полиняло от ветров.
Ока волной стучала в донышко
И поднимала круто бровь.

И поправляла часто челочку,
Махала ласково платком,
И что-то милос, девчоночь
Осталось в обликѣ таком!

2

Ранней осени краски
Из заправки, из сказки.
Константиново, здравствуй!

Есенино, здравствуй!
Здесь не вязью сказаний
Оторочен мой стих.
Здравствуй, ветер Рязани,
В ладонях моих.
Солнце осени, здравствуй,
Поднимаясь, лучась.
Озари наше братство
В этот миг,
В этот час!

1965 г.

Александр Солженицын

На родине Есенина

Четыре деревни одна за другой однообразно вытянуты вдоль улицы. Пыль. Садов нет. Нет близко и леса. Хилые палисаднички. Кой-где грубо яркие цветные наличники. Свинья зачуханная посреди улицы чешется о водопроводную колонку. Мерная вереница гусей разом обертывается влед промчавшейся велосипедной тени и шлет ей дружный воинственный клич. Деятельные куры раскапывают улицу и зады, ища себе корму. На хилый курятник похожа и магазинная будка села Константинова. Селедка. Всех сортов водка. Конфеты-подушечки, слипшиеся, каких уже пятнадцать лет нигде не едят. Черных буханок булыги, увесистей вдвое, чем в городе, не ножу, а топору под стать.

В избе Есенина — убогие перегородки не до потолка, чуланчики, клетушки, даже комнатой не назовешь ни одну. В огороде — слепой сарайчик, да банька стояла прежде, сюда в темень забирался Сергей и складывал первые стихи. За пряслами — обыкновенное польце. Я иду по деревне этой, ка-

ких много и много, где и сейчас все живущие заняты хлебом, наживой и честолюбием перед соседями, — и волнуясь: небесный огонь опалил однажды эту окрестность, и еще сегодня он обжигает мне щеки здесь. Я выхожу на окский косогор, смотрю вдаль и дивлюсь: неужели об этой далекой темной полоске хворостовского леса можно было так загадочно сказать: «На бору со звонами плачут глухари...»? И об этих луговых петлях спокойной Оки:

Скирды солнца в водах лонных?

Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясенный, нашел столькое для красоты — у печи, в хлеву, на гумне, за околицей — красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?..

1960 г.

Альбина Самусевич

Май в Константинове

(Триптих)

Воскрешая минувшее, травы звенят.
Светит Русь в одуванчике каждом.
Озорно окликает меня
сад-подросток у домика Кашиной.

Берег Оки холмист и высок...
Вся в прошлом церквушка старая.
А через дорогу, наискосок —
«низкий дом с голубыми ставнями».

Петухи на подворьях поют,
тихий свет от берез струится.
Понимаю: в родимом краю
куст любой для стихов годится.

* * *

Вот и свиделись, вот и встретились
не во сне — наяву...
Половик домотканый стелется
в небо, в майскую синеву.
Свет-береза горит лампадкой,
в сад калитка — настезь для всех!
Трость качнулась к перчатке
лайковой,
расступилась деревьев сень...
По космической стежке,
расправив плечи,
шел с поэтом двадцатый век!
И звучало на разных наречьях:
«Как прекрасна Земля
и на ней человек».

* * *

Брат родной полноводной Оки
и Рязани — любимый сын.
Русь рассветная
в ситце строки —
лучшая из картин!
Охраняют музей — поля,
обрамляют картину — рощи...
И дороги, веками пыля,
ее светлую суть
не порочат.

1985 г.

3 октября 1995 года

Октябрь. Обычный день осенний,
рабочий, будний — по календарю...
А в сердце праздник, воскресенье,
и я его прохожому дарю!

Он важно шествует из леса
с корзиной, полною грибов...
Звучит берез золотокудых

месса,

в ней — юности последняя любовь
к цветенью буйному, к земле, к святыням.

Бываем мы слепыми по весне
и прозреваем вдруг в осенней стыни,
в предутреннем коротком сне.

Мерцают астры, трогая до слез,
их беззащитность так сродни нам.

И слышится мне в песне звезд —
грусть о «цветке неповторимом».

Не он ли напоил мой взгляд
весенней синью, майским светом,
и почему рябины так в саду горят?

О, вспомните! Сегодня ровно с т о —

исполнилось П о э т у !

1995 г.

Михаил Дудин

* * *

Душа — навыворот! Рубаху
Рванув от ворота с плеча, —
С такой душой идут на плаху
Иль убивают палача.

И он из тех, из настоящих,
Перекричал и смех и плач:
«Я сам души своей приказчик,
Судья, и жертва, и палач».

Есть в мире высшая свобода
Души возвышенно большой:
Отдать себя душе народа
И стать потом его душой.

Идет рассвет из-под Рязани,
И тает месяц запятой:
«Ах, мальчик с синими глазами!
Ах, золотистый-золотой!»

Мне все мерещится, сдастся,
Что я печаль твою сотру.
А голос льется из колодца,
Поет и плачет на ветру.

И стонет выпь, и утка кричит,
И по осенней стороне
На смерть и подвиг всадник скачет
Один на розовом коне.

1965 г.

Виктор Боков

Памяти Есенина

На Ваганьковском кладбище осень и охра,
Небо — серый свинец пополам с синевой.
Там лопаты стучат, но земля не оглохла,
Слышит матушка музыку жизни живой.

А живые идут на могилу Есенина,
Отдавая ему и восторг и печаль.
Он — надежда. Он — Русь. Он — ее Вознесение,
Потому и бессмертье ему по плечам.

Кто он? Бог иль безбожник?
Разбойник иль ангел?
Чем он трогает сердце в наш атомный век?
Что все лестницы славы,
Ранжиры и ранги
Перед званьем простым:
Он — душа-человек!

Все в нем было —
И буйство, и тишь, и смиренья.

Только Волга оценит такую гульбу!
Не поэтому ль каждое стихотворенье,
Как телок, признавалось:
— Я травы люблю!
И снега, и закаты, и рощи, и нивы
Тихо, нежно просили: — От нас говори!
Не поэтому ль так охранял он ревниво
Наше русское слово, светившее светом зари.

Слава гению час незакатный пробила,
Он достоин ее, полевой соловей.
Нет дороже могилы, чем эта могила,
Я стою на коленях и плачу над ней!

1966 г.

Сергей Есенин

Есенин — богатырь.
Есенин — витязь
С копной веселых, вьющихся вихров.
О люди! Подходите и дивитесь
Тому, как бьет родник его стихов!

Он у избы. Он здесь,
На сельском склоне,
У медленной, задумчивой Оки.
Не бойтесь, что звенит,
Скорей в ладони,
Смелей ко рту и пей с руки!

Есенин — пахарь
В том огромном поле,
Где пушкинские борозды свежи,
Где нива, созревающая стоя,
Во имя нас ложится под ножи.

Есенин — гордость Родины, святыня.
Теперь уже нельзя забыть о нем,
И никакая конница Батыя
Его не стопчет варварским конем!

1970 г.

Евгений Винокуров

С. А. Есенин

...Все творчество Сергея Есенина — это одно цельное произведение, все его стихи — это одна большая цельная поэма, трагическая мистерия, героем которой является он — лично сам. Все группируется вокруг него как центра. Мы видим мир, по которому ходит поэт, мы следим за всем, что он делает в этом мире. В поэтической стране, в которой живет автор, все есенинское.

Читатель открывает первую страницу, и он уже в этой полуфантастической стране, где живет по законам, созданным Есениным. Каждое стихотворение — это только деталь общей картины, хотя она и существует отдельно. В необычайной целостности мира — сила его как поэта.

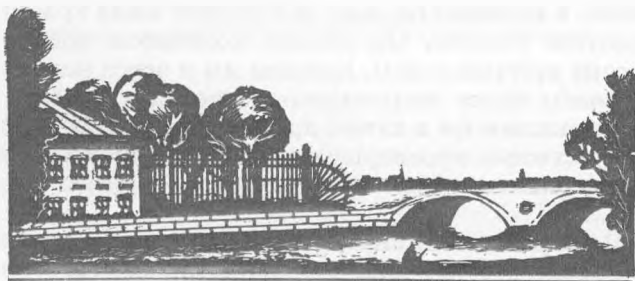
Есенин писал, что деревянный крашенный конек на крыше русской избы — это символ того, что Русь еще вся в кочевье, в походе, в движении. Он и сам был такой — плоть от плоти своей земли. В его стихах буйствовала Россия трех революций. Удаль, стихийная мощь, дерзость свойственны были и

эпохе, в которую он жил. В Есенине жила красивая гипотеза России. Он уловил колебания времени. Россия кричала в нем, кричала им и через него. Мы не знаем более национального поэта в России, — он немыслим ни в какой другой стране. Как никто, он чувствовал несовершенство мира, переживал это несовершенство как свою глубокую личную трагедию...

В творчестве Есенина, почти в каждом его стихотворении, сочетались полярности: высокое и низкое, духовность и реальная материальная конкретность, необычайная нежность и мрачный цинизм. Он умел соединить в одно напряженность торжественного песнопенья и доверительную гибкую интонацию бытовой речи. Поэт требовал от стихов высокого полета. «Быт, — писал он, — нужен только как отправная точка». Он был искренним до предела.

1974 г.

Анатолий Богданович

На Есенинском бульваре

I

Сквозь дремоту осеннюю
Солнце дышит едва.
На бульваре Есенинском
Догорает листва.
Разноцветными искрами
Липнет к блочной стене,
К светофорам забрызганным
И к густой тишине.
Позолотой окутанный,
В поле смотрит поэт
И с машиной попутною
Шлет Рязани привет.
Вьются кудри веселые,
Словно песня сама.
Многоэтажными селами
Вырастают дома.
И верста каменистая
Гулом КраЗов жива...
На газонах таинственно

Замерцала трава.
То ли солнцем обманута,
То ли теплым дождем?
Жечь ее и обламывать
Будут ветры потом.
Люди ходят, влюбленные
В журавлиную высь.
И клинками зелеными
Озимь бьется за жизнь.

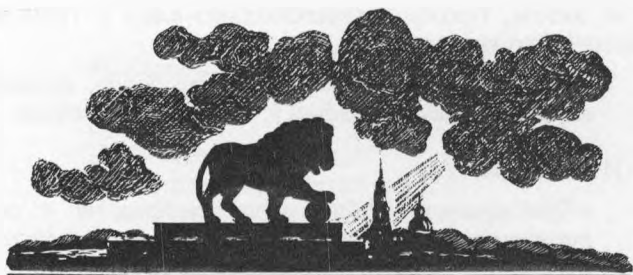
2

Пора! И землю греют плугом,
Чтоб в дни морозные она,
Прижатая косматой вьюгой,
Не застудила семена.
И зерна падают безмолвно,
Как капли солнца, в чернозем,
Скрывая изумрудных молний
Животрепещущий излом...
Туманом голубым объятый,
Бульвар теряется вдали.
Угрюмой жэковской лопатой
Перевернул я ком земли
И сразу ощутил, что крепче
Связующих нас — нет основ...
Я бросил зерна в память встречи
С великим сеятелем слов.
Пускай забывчивы мы были, —
Нам без него что без Руси...
Разнорабочие курили,
Поглядывая на часы.
Они догадывались вряд ли
О гениальности своей:
Продолжили газоны-грядки
Величие родных полей.

И, словно щедро их засеяв,
От солнца не остыв еще,
Крестьянином шагал Есенин,
Пиджак накинув на плечо.

1981 г.

Леонид Мартынов

Проза Есенина

Я перечел Сергея Есенина. Вот что писал он в 1918 году:

«Художники наши уже несколько десятков лет подряд живут совершенно без всякой внутренней грамотности... В русской литературе за последнее время произошло невероятнейшее оупление».

Что он имел в виду? А вот что:

«...Человек есть ни больше ни меньше как чаша космических обособленностей», —

говорил он, указывая на творческую ориентацию наших предков в царство космических тайн.

Тут я упускаю несколько не идущих к делу подробностей.

А дальше читаем:

«...Дряхлое время ...сзывает к мировому столу все племена и народы...»

И затем, пропуская несколько слов о том, что именно стоит на столе:

«Человек, идущий по небесному своду, попадет головой в голову человеку, идущему по земле».

И вслед за этим:

«Пространство будет побеждено, и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства».

Это он мог, по всей вероятности, сказать когда-нибудь и в устной беседе и Петру Ивановичу Чагину, и Айседоре Дункан, и членам правительства... Очень и очень серьезно Есенин за этот вопрос брался:

«... Человечество будет перекликаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности... Буря наших дней должна устремить и нас от сдвига наземного к сдвигу космоса».

И об этом же говорят и его стихотворения. Но я привожу лишь отрывки из прозы Сергея Есенина, чтобы видели вы из примеров, которые я перечислил, что Есенин не только лирически, но и космически мыслил. И вы, которые будете сегодня и завтра перелистывать Сергея Есенина, автора не только «Москвы кабацкой», но также и «Пантократора», перечитывая эти стихи его благоговейно, не пренебрегайте рассеянно прозой Сергея Есенина — современника Ленина, Циолковского и Эйнштейна.

1966 г.

Есенин

Москва
Еще вовсе была
Булыжной.
Из лавочки книжной
Он вышел. Пролетка ждала:
Извозчик и конь неподвижный.

Но будто бы из-под земли
Они объявились.
Как звать их —
Не знал он.
Но подстерегли,
Грозя удушеньем в объятых.

На козлы с извозчиком сесть
Ловчились и встать на запятки:
«Есенин! Великая честь!
Березки! Иконки! Лампадки!»

Еще не настолько велик,
Чтоб въявь оказалось похоже
Лицо его только на лик.
Он вздрогнул.

Морозом по коже
Прошла по спине его дрожь,
И, грезя далекой дорогой,
Он призракам крикнул:
«Не трожь!»
И бросил извозчику:
«Трогай!»

1968 г.

Цилиндр Есенина

Цилиндр Есенина
Напоминал ему,
Есенину, о пушкинской эпохе,
Тот, в революционной суматохе,
Цилиндр, не нужный больше никому, —
Наркоминделу разве только одному! —
Тот щёгольский цилиндр в чертополохе
Страны, чьи ископаемые сохи
Сменялись техникой...

И потому
Цилиндр Есенина напомнил мне
Цилиндры паровозные, чьи дышла
Одышливы, и о младом коне,
Наперегонки скачущем. Что вышло
Из этого — о том по временам
Цилиндр Есенина
Напоминает нам.

1968 г.

Николай Рубцов

Сергей Есенин

Слухи были глупы и резки:
Кто такой, мол, Есенин Серега,
Сам суди: удавился с тоски
Потому, что он пьянствовал много.

Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!

Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

Эта муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

1969 г.

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью
И напыюсь,
Как зверь вечерний!

Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только темный лес!
Он сегодня что-то дремлет.
От заснеженного льда
Я колени поднимаю,
Вижу поле, провода,
Все на свете понимаю!
Вон Есенин —

на ветру!

Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру,
Скромно Хлебников шаманит.
Неужели и они —
Просто горестные тени?
И не светят им огни
Новых русских деревенок?
Неужели

в свой черед

Надо мною смерть нависнет —
Голова, как спелый плод,
Отлетит от восток жизни?
Все умрем.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом,
А другой — жнецом рожден...
Все уйдем.
Но суть не в этом...

1970 г.

Последняя осень

Его увидев, люди ликовали,
Но он-то знал, как был он одинок.
Он оглядел собравшихся в подвале,
Хотел подняться, выйти... и не смог!

И понял он, что вот слабеет воля,
А где покой среди больших дорог?!
Что есть друзья в тиши родного поля,
Но он от них отчаянно далек!

И в первый раз поник Сергей Есенин,
Как никогда, среди унылых стен...
Он жил тогда в предчувствии осеннем
Уж далеко не лучших перемен.

1971 г.

* * *

...Невозможно забыть мне ничего, что касается Есенина. О нем всегда я думаю больше, чем о ком-либо. И всегда поражаюсь необыкновенной силе его стихов. Многие поэты, когда берут не фальшивые ноты, способны вызвать резонанс соответствующей душевной струны у читателя. А он, Сергей Есенин, вызывает звучание целого оркестра чувств, музыка которого, очевидно, может сопровождать человека в течение всей жизни. Во мне полнокровной жизнью живут очень многие его стихи.

*(Из письма В. Сафонову
от 2 февраля 1959 г.)*

Владимир Соколов

Ока.

Мы так и не доехали тогда...
Какой-то лодки не было под боком.
Запомнилась река да лебеда
На берегу довольно невысоком.
Да то село, глядевшее с откоса, —
Голубоглазо и желтоволосо.
Да ребятня, да лодка на мели.
Да чей-то дед при всех его притворствах:
Мол, нету лодки. Нет. Не завели...
Да мы без шапок, трое стихотворцев.
Да как вдали автобус наш гудел,
Что люди ждут, что все же есть предел...
Да мысль о том, что родственные сени
Когда-то называл Сергей Есенин
Не Константиновом и не Окой,
А просто лесом, полем да рекой.
Мы так и не доехали тогда,
Оки не пересехали...
Ну что же, прав лодочник, седая борода:
— Поэты? Как же, знаю. Был Сережа...

1964 г.

Андрей Дементьев

* * *

Я стою над могилой Сергея Есенина,
Ветер листья на скорбные плиты намел.
Сколько в городе этом навеки поселено
Неразгаданных судеб, забытых имен.

Может, кто-то из них в те далекие годы
Знал при жизни поэта. Встречал, говорил.
От хулы заслонял, и берег в непогоды,
И боялся за хрупкость невидимых крыл.

Он прошел по земле,
по распахнутым душам...

И когда закружилось над ним воронье,
По Москве, по кабацкой —
По той и грядущей —
Он на добрых руках

плыл в бессмертье свое.
Но осталась Россия — навеки любимой
В каждой строчке его,
полной грусти и гроз.

И с надгробья он смотрит
умышленно мимо —
Мимо скорби и жалости,
Вздохов и слез...

1985 г.

Духан

Поэты — все единой крови.

Сергей Есенин

У подножья горы Безымянной,
Опираясь на мокрый гранит,
Будто выплывший к нам из тумана,
Он, как в прошлые годы, стоит.
А когда-то Есенин порою
Заходил в этот самый духан.
И колеблется солнце Курюю,
Словно шарф Айседоры Дункан.
В знойном мареве плавает Мухета,
Ну, а я принимаю всерьез
Вертикальные полосы света
За стволы среднерусских берез.
Здесь не потчуют

вздорной побаской,
Угощая холодным вином, —
Не касаются темы кабацкой,
Вспоминают совсем об ином.
...Незаметный, как будто дыханье,

Независимый, как винодел,
К чонгуристам
Улыбаясь, в тифлисском духане,

Есенин подсел.
И они ни о чем не спросили,
Только в струнах послышался вдруг
Золотистого поля России
Шелестящий и ласковый звук.
Что наделали струны-шаманки!
В синих сумерках четко возник
Гневный плач

петроградской шарманки
И рязанской тальянки родник.
Потому что великие бури
От певцов не гремят вдалеке.
Это все говорили чонгури
На грузинском своем языке.

1971 г.

Юрий Гордиенко

Константиново

С тетрадкой стихов, оробело,
Проходит в есенинский дом
Какая-то девушка в белом,
А следом за ней — в голубом.

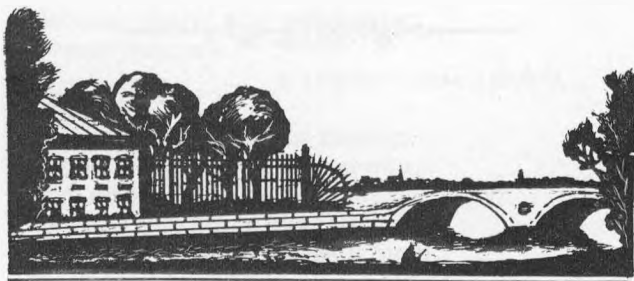
Людьми заполняются сени
И дворик в простой городьбе.
— Сергей Александрыч!

Есенин!

Тут русские люди — к тебе!

Осенней листвою кадящая,
Познавшая радость и грусть,
С тобой она — не уходящая,
А непреходящая Русь!

1979 г.

Юрий Мельников

* * *

Далеко отбрасывая тени,
Посреди широких окских вод
Пароход идет — «Сергей Есенин»,
Прямо

в Константиново

плывет...

Тут, в «стране березового ситца»,
Где лугам и пашням края нет,
Он не мог,

не мог он не родиться,

На века

воспевший Русь Поэт!

Долго он отсутствовал

меж нами.

А теперь

в размахе молодом

Многомиллионными томами

Возвратился

В низенький свой дом.

1968 г.

Сергей Орлов

* * *

Кто же не знает и кто не видал:
С крыльями мальчик, стрела и лук,
Выстрелил — в чье-то сердце попал,
Сердце любовь озаряет вдруг.
Старая сказка у новых рек,
Только и ныне она близка, —
В атомный грозный двадцатый век
Легкой стрелою вошла строка.
Нет в ней ни звона, ни грома нет, —
Шорох березы, тишь ивняка,
Но посильнее стальных ракет
Эта есенинская строка.
Над опереньем ее золотым
Ни радиаций, ни пламени нет,
Только один тополиный дым,
Только рябины багряный свет.
Только надежда, радость и грусть —
То, чем на свете жив человек,
Только Россия, Родина, Русь.
Ранен стрелою двадцатый век.

Кто же не знает и кто не видал:
С крыльями мальчик, стрела и лук,
Выстрелил — в чье-то сердце попал,
Сердце любовь озаряет вдруг.

1979 г.

Евгений Евтушенко

Указатель: «К Есенину»

На Ваганьковском кладбище робкий апрель
продувает оттаявшую свирель.

Пахнут даже кресты чуть смущенно весной,
продается в ларьке чернозем развесной,
и российскую землю к умершим на суд
в целлофановых мокрых мешочках несут.

Чьи-то пальцы вминают в нее семена,
чьи-то губы линяют, шепча имена,
и тихонько зовет сквозь кресты и весну
указатель: «К Есенину», — вбитый в сосну.

Сторожихи, сжимая лопат черенки,
жгут бумажные выцветшие венки
и поверх всех смертей и бессмертий глядят,
серебря наконечники ржавых оград.

В каждом русском поверх его болей, обид
указатель: «К Есенину» — намертво вбит,
и приходит народ в чуть горчащем дыму
не к могиле Есенина — просто к нему.
Здесь бумажных цветов и нейлоновых нет.
Понимает народ — не бумажный поэт.

Вот приходит, снимая фуражку, таксист.
После ночи без сна от щетины он сиз,
но белейшую розочку — легче дымка, —
словно вздох, тяжело испускает рука.
Раскрывает бухгалтер потертый портфель,
из него вынимает пушистый апрель.
Серой вербы комочки — ну чем не цветы! —
и крестьянской тоскою глаза налиты.
Достаёт гладиолусы бывший жокей
из помятой газеты «Футбол — хоккей»,
и египетский, с птичьим обличем цветок
возлагает суворовец — сам с ноготок.
Кактус-крошку в горшочке студентка несет...
Подошли бы сюда камыши и осот,
подошли бы сюда лебеда и полынь
и к рязанским глазам — васильковая синь...
Здесь читают стихи без актеров, актрис.
Парень. Чуб антрацитовый глыбой навис,
а в зрачках его темных, как пасмурный день,
проступает есенинская голубень.
Вот читает старушка, придя на погост,
из «авоськи» торчит нототении хвост,
но старушка — другою, свободной рукой —
в юном воздухе ищет строку за строкой...
Чем он — чертушка! — русский народ подкупил?
Тем, что не подкупал и некупленным был.
Указатель: «К Есенину» — стрелка туда,
где живет доброта, где живет чистота.
Указатель: «К Есенину» — стрелка туда,
где Россия вчера, и теперь, и всегда.
Славен тот, кто людей лже-Христом не учил,
а вот жизнь хоть немножечко им облегчил...

1978 г.

Есенин — самый русский поэт, потому что никто, кроме него, не умел так, «по-русски рубаху рванув на груди», вывернуть, выпотрошить всю свою душу и даже сам себя обвинить так, как и худшему его врагу в голову не приходило. Это — чисто русская черта. Эта черта иногда напоминает фразу «самоуничужение — паче гордости». Покаешься, поколотишь слезно в свою грешную грудь кулаком, а потом можно снова грешить... Но для нормального русского человека эта вывернутость не просто самоуничужение, а самоочищение, превратившееся в необходимость... Если Есенин не «дотягивает» до Блока и Пастернака — в их культуре, а до Маяковского — в его ораторской мощи, то своей исповедальностью он «перетянул» их всех, вместе взятых. Поэтому Есенин и стал самым любимым поэтом людей, для которых Блок или Пастернак слишком сложны из-за тонких ассоциаций, трудно воспринимаемых, а Маяковский слишком грубоват, потому что его ломаный стих совсем непохож на народную песню. Есть только одна культура, которая всеобща. Это культура искренности. Есенин был не сравним ни с кем по этой культуре. Он написал самого себя с такой беспощадностью, на какую никто ни до того, ни после него не оказался способен.

1981 г.

Сергей Островой

Я пою тебя живого

Лесами, логом, полем синим,
лужком, где зыбится трава,
идут, идут по всей России
твои исконные слова.

Они идут толпой, как люди.
Вскипает солнце. Стынет мгла.
И даль дорог — как свиток судеб.
И ветер
 бьет
 в колокола....

Русоволосый, в масть зениту,
плечом подавшийся вперед,
идешь ты с песней знаменитой,
и поле за тобой идет.

И я там был — на поле этом,
и я стоял среди других.
И под березовым рассветом
пил ярый мед стихов твоих.

Какая воля в них звучала...
И грусть примятого сенца...
А мне бы слушать все сначала,
чтоб песне не было конца.

Ты весь мой век меня тревожишь.
Он врезан в память — твой порыв:
отдать России все, что можешь!
И сердце
 бросить
 на разрыв.

Идет твое цветное слово,
чтоб вечно жить в людской судьбе.
И я пою тебя, живого.
И души
 тянутся
 к тебе.

1978 г.

Виктор Смирнов

Ближе всех мне, конечно, Есенин

Ближе всех мне, конечно, Есенин.
Потому ли, что сам из села,
Потому ль, что сугробы нам в сени
Золотая метель намела.

Налипает листва на колеса,
Отражаясь в глазах у коня.
Стая рыжих берез среди сосен
Приглашает к раздумью меня.

Забываю обиды, печали,
Пышной прелестью леса шурша.
Только здесь, на родимом причале,
Постигает земное душа.

Здесь, где жарко пылает осина,
Вижу Родины мощь и красу.
И щемящее слово — Россия —
С новой силою произнесу!

С уважением кланяюсь кленам,
Сердцем слушаю шелест ольхи.
И с есенинским нежным уклоном
На бумагу ложатся стихи.

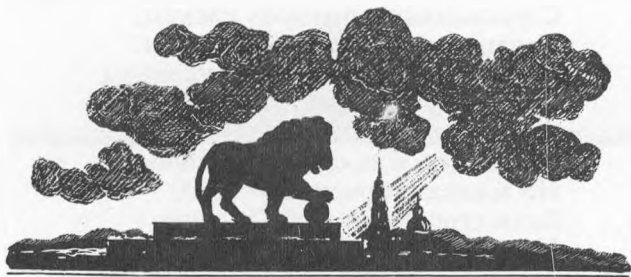
Не гонюсь я за слов дешевизной,
Но и слез огорченья не лью,
Если строчка моя об Отчизне
На его попадет колею.

Я противник поэзии модной,
Что гремит вроде бочки пустой.
Восхищаюсь я песней народной
И крестьянскую мыслью простой.

Озаренный пожаром осенним,
Я иду — и дорога светла...
Ближе всех мне, конечно, Есенин,
Потому что я сам из села!

1980 г.

Глеб Горбовский

Есенин. 80 лет

Могу представить Блока
согбенным старичком.
Жена белсает сбоку,
и тросточка торчком.

Взрывной и непослушный,
в зигзагах бороды,
вбегает в старость Пушкин!
И сразу с ней — на «ты».

Бесстрашен и безбожен,
весь — затаенный крик! —
но все ж представить можно,
что Лермонтов старик...

И лишь один... С гитарой,
с оравой прихлебал,
не умещался в старость,
как я ни представлял.

То чубом, то глазами,
то песней завитой,
то всей резной Рязанью
не лез в парик седой.

Вот он стоит сквозь возраст,
и стать его — пряма!
Под русскою березой,
как молодость сама.

Стоит, как крест над храмом,
как музыка земли...
И на душе — ни шрамов,
ни пятен... от петли.

1974 г.

Николай Рыленков

Поэт

Снова настужь распахнуты сени,
Дует в дудку весны соловей.
Снова легкой походкой Есенин
По России проходит своей.

Нет ни горькой, ни сладкой отравы,
Все заклятья, все чары сняты.
Веют свежестью юности травы,
Пахнут первой любовью цветы.

Всеми росами Родины вымыт,
Забияка и сорванец.
Знает он, что поэзия — климат,
Лучший климат для душ и сердец.

Не пугаясь матерного лая,
Держит песню весна на крыле.
Всё живущее благословляя,
Он идет по зеленой земле.

И за верность напевам заветным,
Для которых и грусть не беда,
Он останется тридцатилетним,
Молодым, как рассвет, навсегда.

1965 г.

Николай Тихонов

*В Мардакянах в день юбилея
Сергея Есенина*

Здравствуй, дорогой Сергей Есенин!
Мы пришли, стихи твои любя.
Здесь поэты разных поколений —
Все, кто шел приветствовать тебя!

Ты сказал в тени бакинских башен:
«Смычка есть рабочих и крестьян —
Дайте смычку всех поэтов наших,
Стиховой народов океан!»

И свершилось: пред тобой поэты
Самых разных голосов и сил,
Принесли тебе свои приветы,
Встали рядом, как ты и просил.

Вот она — та смычка золотая
И твоей поэзии приют,
И стихи многоязычной стаей
Над тобою кружат и поют.

Не уйти тебе в закат янтарный,
И твоим напевам не стихать:
Ты живешь — и люди благодарны
Правде сердца твоего стиха!

1975 г.

Егор Исаев

Есенин

Ю. Прокушеву

Есенин!..

Как о нем сказать!

Весенним словом

иль осенним?

Сказать,

Как боль перевязать,

Как по ножу пройти —

Есенин.

Есенин —

в профиль

и анфас.

Есенин —

в мраморе

и бронзе

Запечатлен.

И все ж для нас

Он ближе

в клене и березе.

Есенин — все,

что сам сказал

И в смех,
И в плач,
И в посвист снега...
Есенин —

горше, чем слеза,
Родней родни
и дальше эха.

1988 г.

Николай Дмитриев

* * *

Под Рязанью визжат поросята
И закрыт станционный буфет,
И старухи в окошко косятся
На медлительный желтый рассвет.

Мне шестнадцать — к Есенину еду,
Крепко томик сжимаю родной
И со всеми вступаю в беседу:
Где такое село над Окой?

Вот проснулся мужик — грудь нагая! —
«Не подскажите, где же он жил?»
Тот сидел и сидел, постигая,
Помолчал — и про клен заблажил.

И старуха в тулупчике ветхом
Прочитала про сон и про синь.
«До Рязани, — сказала, — досхай,
И в обкоме про все расспроси».

... Я вернулся — с деньгами сурово,
И назад — хоть попутку лови.
С пониманьем, что главное — слово,
А он ставил его на крови.

Чтоб всегда и в дожди, и в метели
Пробирались на берег Оки,
Чтоб поменьше, уставясь, глазели
На цилиндры и на пиджаки,

Чтоб звучало тревожно и свято
Над толпою забывчивых лет.
Даже если визжат поросята
И закрыт станционный буфет.

* * *

Ходики печально подмигнут мне,
Словно заодно они со мной.
Я следил когда-то за минутной,
Не слезу теперь за часовой.

Прожитое — крылья, а не бремя,
Оттого, что году равен час.
Все дороже, все милее время,
Время, убивающее нас.

Вот Есенин — ровно с песню прожил,
Он и сам исчез, как с яблонь дым,
А уйди десятком лет попозже —
Разве так бы плакали над ним?!

Он ушел то нежным, то драчливым,
На глазах сгорающим огнем.
А уйди он лысым и ворчливым —
Разве так грустили бы о нем?!

... Я опять услышал эти речи,
И согласно вздрогнула душа,
Но теперь от них поникли плечи,
Потому что молодость ушла.

По журналам мусор и полова,
Но однажды в свой счастливый час
Вдруг найду красивого и злого,
Юного и лучшего из нас.

Дорогое повторяя имя,
Крикну я решившему стогать:
«Станьте некрасивыми, седыми,
Только не спешите помирать!»

Влажный вечер, ветра колыханье,
Переплеск березы, и под ней
Жизни обреченное дыханье
С каждым днем и чище и больней.

1976 г.

Борис Сиротин

Всадник

... проскакал на розовом коне.

С. Есенин

1

Я под утро сквозь сон услышал,
Даже мельком взглянул в палисадник —
Кто-то мимо окна проскакал,
Некий быстрый, таинственный всадник.

Я спокойно отметил — ну что ж,
Это просто колхозник, по делу...
Но какая-то странная дрожь
Пробежала по сонному телу.

То ли детский восторг, то ли страх
Испытал я в преддверии света
В Новосёлках, в немногих верстах
От обители скромной поэта.

Вспоминалось минувшее мне,
И сжималась душа в укоризне,

Что на розовом резвом коне
Слишком быстро скакалось по жизни.

Что лишь каплю испил я земной
Красоты в этой скачке поспешной,
Не заметив, что конь подо мной
Уж не розов, а масти кромешной.

Ты к какому несешь рубежу,
Вороной? — Я не знаю, не чаю,
Лишь и радости — крепко сажу,
Лишь и гордости — все примечаю...

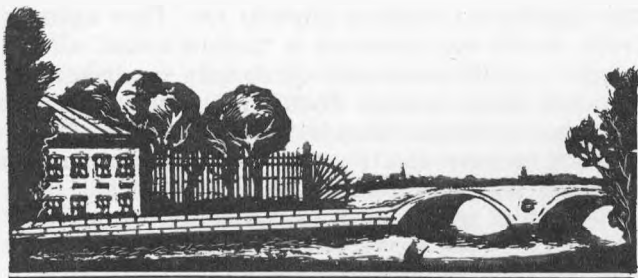
2

Солнце алое, душу согрей,
Утолите, заокские дали!
Нынче утром Есенин Сергей
Проскакал — лишь его и видали.

Проскакал — и ни тени вокруг,
Только песня с землей расстаётся,
Только целую жизнь этот стук,
Этот топот в груди раздаётся.

1980 г.

Сергей Кошечкин

Золотая страница

1

В. Г. Короленко как-то заметил: «Стих — это та же музыка, только соединенная со словом, и для него нужен тоже природный слух, чутье гармонии и ритма».

Сергею Есенину, как и всем мастерам русской поэзии, да и не только русской, этот природный слух был присущ в высшей степени. Вслушаемся в звуковую окраску одного из его стихотворений, входящих в цикл «Персидские мотивы».

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

Нетрудно заметить, что речь поэта, переполненного любовным чувством, в этих строфах свособ-

разно окрашена мягким звуком «л». При произношении наиболее важных в тексте слов: «Лалы», «люблю», «слово ласковое «поцелуй» — голос как бы опирается на этот звук. Вряд ли можно сомневаться, что все «л» оказались здесь не случайно. Но в то же время они не выставлены поэтом напоказ, как, например, в стихотворении К. Бальмонта:

Лебедь уныл в полумглу,
Вдаль, под луною белея.
Ластятся волны к веслу,
Ластится к влаге лилея.
Слухом невольню ловлю
Лепет зеркального лона:
«Милый! Мой милый! Люблю!» —
Полночь глядит с небосклона.

Музыкальная основа как есенинской, так и бальмонтовской аллитераций, то есть повторение одних и тех же согласных, — глагол «люблю». Однако при непосредственном восприятии обоих отрывков мы замечаем, что стихи Есенина текут непринужденно, свободно, как бы сами собой. Трепетное чувство поэта выливается в естественных сочетаниях слов и звуков. Преобладание звука «л» не замечается, хотя мягкость, в нем заключенная, окрашивает все строки. При чтении же стихов Бальмонта невольно обращаешь внимание на искусственность их звучания. Автор сознательно играет звуком, любит им. Нарочитой звукописью затушевывается лирическая тема. Горький сказал о Бальмонте, что он «раб слов, опьяняющих его».

Есенин никогда не превращал стихотворение в нарочитую игру звуками. Ему не изменяло чувство меры. Звукопись в его стихах — не украшение, а одно из художественных средств, воплощающих чувства и мысли, тонкие психологические переходы, смену настроений поэта или лирического персонажа.

В одной из статей Есенин писал, что у каждого поэта есть свой общий фон красок, свой ларец слов и образов. Есенинский «ларец» полон этих «своих» слов и образов. Вспомнимся в есенинский эпитет. Как и всем образным средствам языка поэта, его эпитетам свойственна прежде всего исключительная эмоциональность. Характер этой эмоциональности зависит от содержания стихотворения и может быть то проникновенно-нежным, то патетическим, то гневным, то радостным, то грустным... В стихотворении «Я красивых таких не видел...» поэт обращается к своей сестре:

Ты — мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную тебе?

Все стихотворение дышит непосредственностью, неенчерпаемой искренностью.

Ты — мое васильковое слово... — так мог сказать только Есенин. Будущие поэты, быть может, скажут лучше, но так не скажет никто, потому что Есенин, как каждый большой поэт, неповторим. Этот метафорический эпитет «васильковое слово» рождает в нашем сознании гамму разнообразных дальних ассоциаций, связанных с образом скромного василька. Цветок этот бесконечно дорог поэту как частица его родных полей, родной природы. Голубой василек напоминает о чем-то хорошем, чистом, нежном. «Васильковое слово» — самое задушевное, самое заветное, идущее из глубины сердца, пропитанное беспредельной нежностью слово.

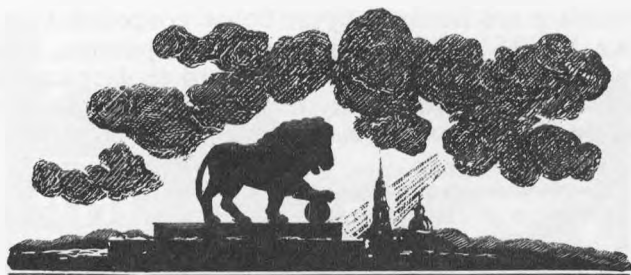
При исключительной эмоциональности эпитет Есенина живописен, красочен, смел. Он, как сол-

нечный луч, озаряет предметы и явления, высвечивая в них скрытые грани, вызывая неожиданные ассоциации. Есенинское определение многозначно, точно, выразительно. Его сравнения, выражения, поэтические построения свежи и оригинальны.

Разумеется, было бы опрометчиво сводить работу Есенина к поискам простых, но ярких, точных эпитетов и сравнений. Выдающееся мастерство автора «Руси советской», «Руси уходящей», «Персидских мотивов», «Анны Снегиной» проявилось в его таланте художественно-конкретно видеть жизнь и воспроизводить ее в образах, используя все средства поэтической речи. Стихи Есенина рождались из подлинного, глубокого чувства, а при этом, по словам А. Твардовского, на помощь приходит всё, все впечатления бытия и всё языковое богатство, и всё приобретает необходимую форму, ясность и отчетливость, так, как это бывает в страстной, убежденной речи. «Большое видится на расстоянии», — сказал поэт, и эти слова мы с полным правом можем соотнести с его творческим наследием — з о л о т о й с т р а н и ц е й не только в русской, но и в мировой литературе.

1985-1995 гг.

Юрий Прокушев

Русь отвечает взаимностью

(Отрывок из статьи)

...Есенин глубоко соборный поэт, глубоко духовный поэт. Отсюда и тяга людей к Есенину. Сначала стихийная, потом осознанная. Я глубоко верю, что это будет истинный, очень народный год Есенина. Пусть Есенин войдет в каждую семью, в душу каждого из нас. И как-то утвердит в нас и веру, есенинскую веру в Россию, в нашу Родину, веру в ее будущее, в преодоление всех трудностей, в соборность и, главное, еще поможет нам всем стать чуточку добрее, человечнее, сердечнее по отношению друг к другу, несмотря на все трудности.

Ведь Есенин, его жизнь, мы знаем, была настолько сложна, настолько трудна, такие он испытывал несправедливые гонения, преследования суда, прокуратуры, прессы. И какую же он сохранил человечность и любовь к России! Нигде никакой обиды, а только иступленная, я бы сказал, огненная, одухотворенная вера поэта в Россию, в ее будущее. Несмотря ни на что. Поэтому сегодня

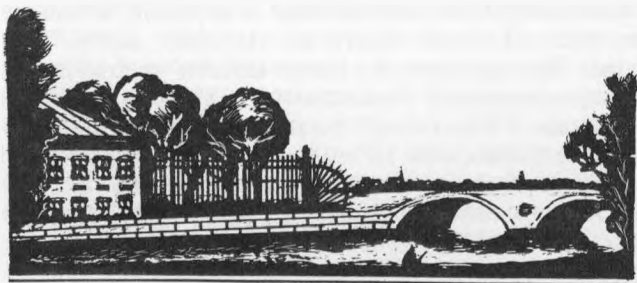
Есенин и его поэзия звучат более современно, чем даже 10—15 лет тому назад. Когда разлом, когда кто-то Россию уже хоронит, кто-то ее растаскивает по кускам, кто-то уже думает, что она не величайшая держава, мы как бы слышим голос Есенина:

Но и тогда,
Когда по всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким «Русь».

Знаете, не столько мы нужны сегодня Есенину. Как это ни парадоксально, сегодня о нем **н а м н у ж е н**. Для духовного очищения, для покаяния, для того, чтобы мы почаще вспоминали и о «братьях наших меньших», вспоминали о наших матерях и о матери-Родине — России.

1994 г.

Алексей Губин

Есенин в Кенигсберге

«В 22 году вылетел на аэроплане в Кенигсберг...» — заканчивает свою автобиографию от 1923 года С. Есенин. И больше нигде ни строчки, хотя факт пребывания в нашем городе, видимо, имел для поэта значение, раз упомянут не в обычном письме или записке, а в документе. В связи с чем и когда это произошло? Калининградцам, думаю, будет интересно узнать об этом событии 70-летней давности, хотя, увы, информация о визите поэта в Кенигсберг крайне скупа. Пришлось выуживать факты буквально по крупицам.

Известно, что в 1922 году С. Есенин совершил свою первую и последнюю зарубежную поездку. Ей предшествовали обстоятельства, носящие, главным образом, личный характер. В 1921 году в Советскую Россию приехала знаменитая американская танцовщица ирландского происхождения Айседора Дункан. В интервью французской газете «Юманите» она заявила: «Я оставила Европу, где искусство раздавлено коммерцией. Я убеждена в том, что в Рос-

сии совершилось величайшее в истории человеческое чудо. Только братство рабочих всего мира, только Интернационал могут спасти человечество».

Нет оснований сомневаться в искренности танцовщицы. Увлеченная модернистскими направлениями в танце, она мечтала создать в революционной России новую школу балета. В то же время без угрызения совести принимает она в дар от властей шикарную шубу, реквизированную у буржуев. Встреча танцовщицы и поэта в Москве осенью 1921 года круто изменила жизнь обоих. Любовь вспыхнула внезапно. А. Дункан, помимо английского, говорила еще на нескольких европейских языках. С. Есенин, кроме великолепного владения русским, других языков не знал. Но знаки любви не ведают языковых преград. На первых порах влюбленные прекрасно понимали друг друга.

Идея поехать за границу возникла у С. Есенина еще до знакомства с А. Дункан, женитьба на ней лишь ускорила отъезд. 17 марта 1922 года С. Есенин направил наркому просвещения А. В. Луначарскому заявление с ходатайством «о выдаче заграничного паспорта для поездки на трехмесячный срок в Берлин по делу издания книг». 3 апреля 1922 года народный комиссариат иностранных дел разрешил С. Есенину командировку в Германию. 25 апреля С. Есенин получил заграничный паспорт № 5072. До выезда необходимо было успеть совершить одну важную формальность: оформить брак с Айседорой Дункан, что и было сделано 2 мая 1922 года. (По другим сведениям, брак заключен 3 мая.)

10 мая 1922 года супруги вылетели в Кенигсберг с московского аэродрома на Ходынке. Здесь, чтобы быть предельно точным, уместно привести два отрывка из газетных репортажей тех дней.

«Аппарат с виду такой игрушечный. Каюта, в ко-

тору ю ведут дверь с каретным окном, похожа на вместилище старинного дирижабля; друг против друга два мягких дивана на 6 мест. Написано на немецком и русском языках: «Собственность Российской республики». Вес аппарата 92 пуда, грузоподъемность 56 пудов, путь от Москвы до Кенигсберга проходит в 11 часов с остановкой в Смоленске и Полоцке».

«До вчерашнего дня воздушные рейсы из Берлина в Москву были только первым опытом, первыми пробами. Вчера это уже был постоянный очередной рейс. В 8 часов 30 минут прибыли летчики, механик и пассажиры, а также провожающие. Член нашей миссии в Берлине т. Пошукайтис принимает почту, одевает теплый костюм летчика и садится в каюту. За ним следуют немецкий летчик Эди Петерсон, член президиума Германского общества воздухоплавания Вальтер Макетун и пассажиры — балерина-босоножка Айседора Дункан и поэт Сергей Есенин. Куча детишек из школы Айседоры Дункан, приехавшие ее провожать, машут платками и шляпченками».

Кроме детей провожали поэта и балерину друзья: журналист И. И. Старцев и работник издательства А. М. Сахаров. По свидетельству И. И. Шнайдера, мужа приемной дочери Дункан — Ирмы, Сергей Есенин вез в Берлин белые автографы, типографские гранки и вырезки для издания книг.

Самолет взлетел ровно в 9 часов утра. Полет проходил нормально. В самолете ели лимоны, чтобы не подташнивало, когда он проваливался в воздушные ямы. В Кенигсберг прилетели в 8 часов вечера на аэродром Девау.

Кенигсбергский аэродром Девау, построенный в 1919 году на месте военного плаца, стал первым гражданским аэропортом в Германии. И именно на

этот аэродром вела первая советская зарубежная авиалиния Москва—Кенигсберг. Кстати сказать, это случилось на год раньше открытия первого советского внутреннего маршрута Москва — Нижний Новгород. Судя по всему, Сергей Есенин и Айседора Дункан летели в Кенигсберг третьим рейсом. Я подчеркиваю «третьим», ибо в публикациях часто можно прочесть, что они летели в Кенигсберг первым рейсом. Это не так: документы свидетельствуют о том, что первый рейс «Москва—Кенигсберг» открыли 1 мая 1922 года летчик Иван Филиппович Воедило и бортмеханик М. Шигин. В то время эта линия считалась самой длинной в Европе и рейсы на ней выполняли поочередно советские и германские летчики на немецком самолете Фоккер-III.

Маршрут до Берлина был продолжен немного позднее и действовал до начала 1937 года. В 1940 году наши летчики освоили новую трассу: Москва — Минск — Белосток — Кенигсберг — Данциг — Берлин.

Я пишу так подробно о воздушном сообщении в связи с тем, что встречал в статьях утверждения авторов, будто С. Есенин и А. Дункан самолетом прилетели прямо в Берлин. И даже некоторые газетные репортажи тех лет вроде бы наводят на эту мысль. Но документы свидетельствуют другое. Из Кенигсберга до Берлина супруги добирались вечерним поездом. Ехать пришлось через так называемый «Данцигский коридор», так как Восточная Пруссия тогда была отделена от Германии польской территорией. У Есенина и Дункан в паспорте не оказалось каких-то специальных виз, однако бойкая Айседора учинила в таможене небольшой скандал, и дальнейший путь их прошел без приключений.

Расстояние от Кенигсберга до Берлина поезд

преодолевал за 12—14 часов. В Берлин супруги приехали утром 11 мая. В некоторых воспоминаниях о С. Есенине называется другая дата — 12 мая, но это маловероятно. Во всяком случае, берлинская русскоязычная газета «Накануне» писала, что С. Есенин и А. Дункан «через сутки после отлета из Москвы вошли в редакцию «Накануне». То есть, именно 11 мая 1922 года. Поселились они в отеле «Адлон».

В Берлине С. Есенин издал поэму «Пугачев», сборник стихов и поэм «Стихи скандалиста». Здесь же, в Берлине, пришлось еще раз зарегистрировать брак с Айседорой, так как регистрации в России оказалось недостаточно для посздки во Францию.

За границей Есенин скучал. Отношения с А. Дункан разлаживались... «Берлинская атмосфера меня издергала вполне»... «Так хочется отсюда из этой кошмарной Европы обратно в Россию»... «Здесь такая тоска...» — это строки из писем поэта на родину.

Возвращались в Россию С. Есенин и А. Дункан в 1923 году. Газета «Правда» писала: «Айседора Дункан, задержавшаяся на один день в Риге, ожидается в Москву сегодня, в пятницу, 3 августа. Вместе с ней приезжает поэт С. Есенин».

Дальнейшие судьбы С. Есенина и А. Дункан — трагичны. Они расстались. Сергея Есенина ждали огромный взлет творческого вдохновения, встреча с новой любовью и печальный финал в номере Ленинградской гостиницы «Англетер».

Айседоре Дункан довелось еще раз побывать в Кенигсберге. Осенью 1924 года, уже после разрыва с С. Есениным, танцовщица собралась в Берлин. Как и два с половиной года назад, опять Ходынский аэродром, опять маленький самолетик компании «Дерулофт», опять рейс Москва — Кенигсберг. Только Сергея Есенина на этот раз рядом не было...

Немецкий летчик нервно расхаживал по полю: с этой Дункан вечно случаются всякие неприятности. Действительно, едва поднялись в воздух — забарахлил двигатель, пришлось делать вынужденную посадку под Можайском. Айседора к вечеру вернулась в Москву и вылетела в Кенигсберг на следующий день. А три года спустя, 14 сентября 1927 года, в Ницце длинная шаль неожиданно скользнула с ее плеча, запуталась в колесе быстро мчавшейся автомашины, стала наматываться и сжала смертельной петлей шею Айседоры...

Примечания

Тексты стихотворений, отрывки из статей, писем, воспоминаний даются в книге в хронологической последовательности, но иногда допускаются отступления ввиду тематической направленности сборника.

В примечаниях даются краткие сведения об авторах и произведениях, источники и даты публикации текстов.

Стр. 9

С. Есенин. Письмо матери. 1924.

Есенин Сергей Александрович (1895 — 1925).

Текст стихотворения печатается по изданию: С. А. Есенин. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1967. С. 9.

Стр. 11

Т. Ф. Есенина. О сыне. 1955.

Татьяна Федоровна Есенина (1875 — 1955) — мать поэта.

Фонограмма рассказа записана за три месяца до ее смерти. Дается по тексту, опубликованному в альманахе «Поэзия», вып. 58. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 60.

Стр. 13

С. Есенин. Автобиография. 1923.

Известны 4 автобиографии Есенина, написанные им в 1922 — 1925 гг. Приводится текст автобиографии 1923 г. Публикация по изданию: С. Есенин. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1967. С. 11.

Стр. 16

Поэты и писатели о Сергее Есенине.

Тексты высказываний печатаются по книге: На родине Есенина/ под ред. Ю. Прокушева. М.: Моск. раб., 1969. С. 58 — 63.

Толстой Алексей Николаевич (1882 — 1945).

Васильев Сергей Александрович (1911 — 1975).

Пастернак Борис Леонидович (1890 — 1960).

Боков Виктор Федорович (р. 1914).

Федоров Василий Дмитриевич (1918 — 1984).

Рыленков Николай Иванович (1909 — 1969).

Винокуров Евгений Михайлович (1925 — 1993).

Цыбин Владимир Дмитриевич (р. 1932).

Тихонов Николай Семенович (1896 — 1979).

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868 — 1936).

Шушкин Василий Макарович (1929 — 1974).

Марцинкявичус Юстинас, литовский поэт (р. 1930).

Хикмет Назым, турецкий поэт (1902 — 1963).

Стр. 19

А. Блок. Из дневников, записных книжек и писем. 1915.

Блок Александр Александрович (1880 — 1921).

Публикация по изданию: С. А. Есенин в воспом. современников. В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1986. С. 174 — 175, 194 — 195, 466. (Помета А. А. Блока на записке С. Есенина. Рекомендательное письмо М. П. Мурашеву, с припиской к С. М. Городецкому. Страница из альбома М. П. Мурашева с ответом А. А. Блока. Отрывок из поэмы «Возмездие» — ответ на стихи С. Есенина: «Слушай, поганое сердце...»)

Стр. 21

Р. Ивнев. Сергею Есенину (Акростих). 1919.

Ивнев Рюрик (Ковалев Михаил Александрович) (1891 — 1981).

Ивнев Р. Избранное. М.: Худож. лит., 1985. С. 159.

Стр. 23

Н. Клюев. Поэту Сергею Есенину. 1916 — 1917; Плач о Есенине. 1926.

Клюев Николай Алексеевич (1884 — 1937).

Публик. по тексту книг: Клюев Н. Стихотворения и поэмы. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. С. 219 — 226; Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин. Избранное. М.: Просвещение, 1990. С. 72.

Стр. 27

М. Герасимов. Памяти Есенина. 1926.

Михаил Прокофьевич Герасимов (1889 — 1939), поэт, участник Пролеткульта, один из основателей лит. группы «Кузница».

Публикация по книге: О Есенине. М.: Правда, 1990. с. 113.

Стр. 29

А. Ширявец. Статья «Три витязя» (отрывок). 1918.

Ширяевец (Абрамов) Александр Васильевич (1887 — 1924).

Статья посвящена стихам Н. Клюева, С. Есенина, С. Клычкова. Текст по публ. в альм. «Поэзия»: Вып. 44, М.: Мол. гвардия, 1985 г. С. 100. Дата по году публ. в газете «Известия ТуркЦИК».

Стр. 30

В. Брюсов. Статья «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» (Отрывок). 1922.

Брюсов Валерий Яковлевич (1894 — 1924).

В статье речь идет о школе имажинизма и ее представителях: В. Шершеневиче, А. Мариенгофе и С. Есенине. Публ. по книге: Брюсов В. Среди стихов 1894 — 1924 гг. М.: Сов. писатель, 1990. С. 597.

Стр. 31

И. Приблудный. «Город кирпичный, грозный, огромный...» 1924.

Иван Приблудный (Овчаренко Яков Петрович) (1905 — 1937).

Текст по изданию: Приблудный И. Тополь на камне. М.: Никитинские субботники, 1926. С. 29 — 30.

Стр. 33

И. Бабель. Огрывок из письма. 1925.

Бабель Исаак Эммануилович (1894 — 1941).

Письмо адресовано Тамаре Влад. Ивановой. Текст приводится по изданию: Бабель И. Воспоминания современников. М.: Сов. писатель, 1972. С. 164 — 165.

Стихотворение С. Есенина «Ах, любовь-калинушка...» дается более полно.

Стр. 35

В. Казин. Памяти Есенина. 1925.

Казин Василий Васильевич (1898 — 1981).

Текст и датировка по изданию: Казин В. Избранное. М.: Худож. лит., 1972. С. 93 — 94.

Стр. 37

Е. Полонская. Есенину. 1925.

Полонская Елизавета Григорьевна (1890 — 1969).

«... от шутейского братства» — т. е. от участников лит. группы «Серапионовы братья». Текст и датировка по изданию: Полонская Е. Избранное. М.: Худож. лит., 1966. С. 60 — 61.

Стр. 39

П. Орешин. Сергей Есенин. 1926. Статья «Великий лирик» (отрывок) опубликована в журнале: «Красная новь». 1927, № 1.

Орешин Петр Васильевич (1887 — 1938). Текст и датировка по изд.: Орешин П. Избранное. М.: Моск. рабочий, 1958. С. 165 — 167.

Стр. 42

И. Северянин. Есенин. 1925; статья (отрывок) до 1941 г.

Северянин (Лотарев) Игорь Васильевич (1887 — 1941).

Текст сонета печатается по изданию: Северянин И. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1988. С. 385. Отрывок из статьи Ю. Шумакова «Из воспоминаний об Игоре Северянине» опубликован в журнале: «Звезда». 1965, № 3. С. 194.

Стр. 44

Г. Бениславская. Воспоминания о Есенине. 1926.

Бениславская Галина Артуровна (1897 — 1926) — журналистка, лит. работник. Знакомство с Есениным состоялось в 1920 г.

Текст печат. по книге: С. А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1986. С. 49.

Даются отрывки из стихов. С. Есенина: «Хулиган» и «Сорокоуст».

Стр. 47

А. Воронский. Памяти Есенина (Отрывки). 1926.

Воронский Александр Константинович (1884 — 1943).

В годы встреч с Есениным был редактором журнала «Красная новь», где было напечатано около 40 стихотворений поэта, первым из них — «Не жалею, не зову, не плачу...», 1922 г. Публикация по изданию: С. А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1986. С. 67.

Стр. 50

Д. Фурманов. Сережа Есенин. 1925.

Фурманов Дмитрий Андреевич (1891 — 1926) — писатель, принимал участие в подготовке собр. стихотворений поэта в 3-х тт.

Публикация по изданию: С. А. Есенин в воспомин. современников. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1986. С. 317.

Стр. 52

К. Зелинский. Воспоминания (Отрывок). 1966.

Зелинский Корнелий Люцианович (1896 — 1970).

Текст дается по книге: В изменяющемся мире. М.: Сов. писатель, 1969. С. 82.

Стр. 54

С. Коненков. Воспоминания (Отрывки). 1965.

Коненков Сергей Тимофеевич (1874 — 1971) — скульптор, нар. художник СССР.

Текст печатается по книге: Коненков С. Т. Воспоминания. Статьи. Письма. В 2 т. Т. 1. М.: Изобразит. искусство, 1984. С. 188 — 190.

Стр. 58

В. Эрлих. Право на песнь. 1928.

Эрлих Вольф Иосифович (1902 — 1944) — поэт, один из участников «Воинствующего ордена имажинистов».

Текст (отрывки) дается по изд.: С. А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1986. С. 320 — 334.

Стр. 63

В. Рождественский. Сергей Есенин. 1926.

Рождественский Всеволод Александрович (1895 — 1977).

Текст (отрывки) по изданию: С. А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1986. С. 106 — 112, 124 — 126.

Стр. 69

С. Городецкий. Сергею Есенину. 1927.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884 — 1967).

Текст дается по изданию: Городецкий С. Северное сияние. М.: Сов. писатель, 1967. С. 135.

Стр. 71

Ю. Либединский. Мои встречи с Есениным. 1957.

Либединский Юрий Николаевич (1898 — 1959).

Текст воспоминаний в сокращении дается по книге: Либединский Ю. Воспитание души. Поездка в Крым. Современники. М.: Сов. писатель, 1969. С. 354 — 360, 374 — 376.

Стр. 74

В. Маяковский. Сергею Есенину. 1926.

Маяковский Владимир Владимирович (1893 — 1930).

Текст по книге: Маяковский В. Собр. соч. В 13 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1958. С. 100 — 105.

Стр. 78

В. Наседкин. Последний год Есенина (Отрывок). 1927.

Наседкин Василий Федорович (1895 — 1940).

19 дек. 1925 г. В. Наседкин женился на сестре Есенина — Кате.

Текст печатается по книге: С. А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1986. с. 303 — 310.

Стр. 80

М. Цветаева. Памяти Есенина. 1926.

Статья «Поэт и время» (Отрывок). 1932.

Цветаева Марина Ивановна (1892 — 1941).

Текст стихов по книге: Цветаева М. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1980. С. 288. Текст статьи приводится по журналу: «Юность». 1987. N 8. С. 54 — 56.

Стр. 82

В. Ходасевич. Есенин (Отрывок). 1926.

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886 — 1939).

Текст печатается по изд. газ. «Русский рубеж» N 3 — спец. выпуск еженедельника «Литературная Россия», М., 1990. С. 2 — 6.

Стр. 84

Г. Иванов. Петербургские зимы (Отрывки из повести). 1950.

Иванов Георгий Владимирович (1894 — 1958) — русский поэт, критик.

Юность его прошла в Петербурге, в 1922 г. вместе с И. Одоевцевой покинул Россию. В 1946 — 1951 гг. жил в Париже. Публикация по изданию: Иванов Г. Собр. соч. В 3 т. Т. 3. М.: Согласие, 1994. С. 184 — 191.

«Поэзия есть Бог в святых мечтах земли...» — строка из драматич. поэмы «Камозне» австрийского поэта Фридриха фон Гальма (1806 — 1871) в переводе В. А. Жуковского (привнесена им в поэму).

Стр. 88

И. Уткин. Слово Есенину. 1926.

Уткин Иосиф Павлович (1903 — 1944).

Уткин И. Стихотворения и поэмы. М.: Сов. писатель, 1966.

С. 74 — 75. Эпиграф — строки из статьи М. Горького «О пользе грамотности», ответ критику Д. Ханину (журн. «На литературном посту», 1928, N 1), писавшему о мелкобуржуазных уклонах Уткина.

Стр. 90

А. Прокофьев. Легла дорога в Константиново. 1965.

Прокофьев Александр Андреевич (1900 — 1971).

Текст и датировка по изданию: Прокофьев А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Л.: Худож. лит., 1980. С. 28 — 30.

Стр. 92

А. Солженицын. На родине Есенина. (Из цикла «Крохотки»). 1960.

Солженицын Александр Исаевич (р. 1918).

Текст публикации дается по книге: Солженицын А. И. Не стоит село без праведника. М.: Книжная палата, 1990. с. 467.

Стр. 94

А. Самусевич. Русь рассветная в ситце строки (предисловие). Май в Константинове (Триптих). 1985.

Самусевич Альбина Григорьевна (р. 1935) — поэт, автор четырех поэтических книг.

Текст и датировка стихов по книге: Самусевич А. Г. Утренний обход. Калининградское кн. изд-во, 1988. с. 69.

Стихотв. «3 октября 1995 г.» написано и включено в сборник «Венок Есенину» в 1995 г.

Стр. 97

М. Дудин. «Душа — навыворот! Рубаху...» 1965.

Дудин Михаил Александрович (1916 — 1994).

Текст и датировка по изданию: Дудин М. Собр. соч. В 3 т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1977. С. 99.

Стр. 99

В. Боков. Памяти Есенина. 1966.; Сергей Есенин. 1970.

Боков Виктор Федорович (р. 1914)

Текст и датировка по изданию: Боков В.: Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1984. с. 208.

Стр. 102

Е. Винокуров. Из заметок «С. А. Есенин» (Отрывок). 1974.

Винокуров Евгений Михайлович (1925 — 1993).

Текст и датировка по изданию: Винокуров Е. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1984. С. 270 — 271.

Стр. 104

А. Богданович. На Есенинском бульваре. 1981.

Богданович Анатолий Александрович (р. 1935).

Текст и датировка по книге: Богданович А. Стихи. М.: Сов. писатель, 1984. С. 19 — 21.

Стр. 107

Мартынов Л. Проза Есенина. 1966; Стихи. 1968.

Мартынов Леонид Николаевич (1905 — 1980).

Цитируются строки из статьи С. Есенина «Ключи Марии» (1918). Мартынов Л. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1977. С. 94 — 95.

Стр. 111

Н. Рубцов. Сергей Есенин. 1970 — 1971.

Рубцов Николай Михайлович (1936 — 1971).

Текст дается по альманаху: Поэзия. 1985. № 42. М.: Молодая гвардия. Рубцов Н. Посвящение другу. Л.: Лениздат, 1984.

Стр. 114

В. Соколов. Ока. 1964.

Соколов Владимир Николаевич (р. 1928).

Публикация по тексту: Соколов В. Избранное: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1981. С. 241.

Стр. 115

А. Дементьев. Сергей Есенин. 1970.

Дементьев Андрей Дмитриевич (р. 1928)

Дементьев А. Стихотворения. М.: Сов. Россия. 1988.

Публикация по тексту: Литературная газета. 1985. № 39.

Стр. 117

В. Мощенко. Духан. 1971.

Мощенко Владимир Николаевич (р. 1932).

Публикация по тексту газеты: Литературная Россия. 1971.

Стр. 119

Ю. Гордиенко. Константиново. 1979.

Гордиенко Юрий Петрович (р. 1922).

Публ. по тексту газ. Литературная Россия. 1979. 23 ноября.

Стр. 120

Ю. Мельников. «Далеко отбрасывая тени...» 1968.

Мельников Юрий Иосифович (р. 1922).

Публикация по тексту газеты: Литературная Россия. 1980.

Стр. 121

С. Орлов. «Кто же не знает и кто не видал...» 1971.

Орлов Сергей Сергеевич (1921 — 1977).

Орлов С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1980. С. 267.

Стр. 123

Е. Евтушенко. Указатель: «К Есенину». 1978; Статья. 1981.

Евтушенко Евгений Александрович (р. 1933).

Текст публикации по альманаху: Поэзия, 1985. N 42. Статья «Самый русский поэт» (отрывок) дается по книге: Точка опоры. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 26 — 27.

Стр. 126.

С. Островой. Я ною тебя живого. 1978.

Островой Сергей Григорьевич (р. 1911).

Публикация по тексту: Островой С. Избранное: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1978.

Стр. 128

В. Смирнов. Ближе всех мне, конечно, Есенин. 1980.

Смирнов Виктор Петрович (р. 1942).

Публикация по книге: Берг бытия. М.: Библиотека «Огонька». 1983. N 32.

Стр. 130

Г. Горбовский. Есенин. 80 лет. 1974.

Горбовский Глеб Яковлевич (р. 1931).

Публикация по тексту книги: Горбовский Г. Явь. М.: Худож. лит., 1981.

Стр. 132

И. Рыленков. Поэт. 1965.

Рыленков Николай Иванович (1909 — 1969).

Публикация по тексту издания: Рыленков Н. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Современник, 1985. С. 42.

Стр. 134

Н. Тихонов. В Мардакянах в день юбилея С.Есенина. 1975.

- Тихонов Николай Семенович (1896 — 1979).
Текст дается по книге: Тихонов Н. Стихотворения и поэмы.
Л.: Сов. писатель, 1981. С. 482.
Стр. 136
Е. Исаев. Есенин. 1988.
Исаев Егор (Георгий) Александрович (р. 1926).
Публикация по тексту: Исаев Е. Стихотворения и поэмы. М.:
Молодая гвардия, 1989.
Стр. 138
Н. Дмитриев. «Под Рязанью визжат поросята...» 1976.
Дмитриев Николай Федорович (р. 1953).
Публикация по тексту книги: Дмитриев Н. Тьма живая. Сти-
хотворения. М.: Сов. писатель, 1983.
Стр. 141
Б. Сиротин. Всадник. 1980.
Сиротин Борис Зиновьевич (р. 1934).
Публикация по тексту газеты: Литературная Россия. 1980.
Стр. 143
С. Кошечкин. Золотая страница. 1985 — 1995.
Кошечкин Сергей Петрович (р. 1915) — критик, литературове-
вед.
Публикация по тексту журнала: Юность. 1985. N 10; в новой
редакции автора, 1995 г.
Стр. 147
Ю. Прокушев. Русь отвечает взаимностью... (Отрывок из
статьи). 1994.
Прокушев Юрий Львович (р. 1920) — критик, литературовед.
Печатается с 1949 г., автор книг о Есенине.
Публикация по тексту: Российская газета. 1994. Ноябрь.
Стр. 149
А. Губин. Есенин в Кенигсберге (статья из газеты «Калинин-
градская правда», 1996 г.).
Губин Алексей Борисович (р. 1930) — краевед, литературовед,
писатель.

Содержание

Предисловие	5
<i>Сергей Есенин</i>	9
<i>Т. Ф. Есенина</i>	11
<i>Сергей Есенин</i>	13
<i>Поэты и писатели о Сергее Есенине</i>	16
<i>Александр Блок</i>	19
<i>Рюрик Ивнев</i>	21
<i>Николай Клюев</i>	23
<i>Михаил Герасимов</i>	27
<i>Александр Ширяевец</i>	29
<i>Валерий Брюсов</i>	30
<i>Иван Приблудный</i>	31
<i>Исаак Бабель</i>	33
<i>Василий Казин</i>	35
<i>Елизавета Полонская</i>	37
<i>Петр Орешин</i>	39
<i>Игорь Северянин</i>	42
<i>Галина Бениславская</i>	44
<i>Александр Воронский</i>	47
<i>Дмитрий Фурманов</i>	50
<i>Корнелий Зелинский</i>	52
<i>Сергей Коненков</i>	54
<i>Вольф Эрлих</i>	58
<i>Всеволод Рождественский</i>	63
<i>Сергей Городецкий</i>	69
<i>Юрий Либединский</i>	71

<i>Владимир Маяковский</i>	74
<i>Василий Наседкин</i>	78
<i>Марина Цветаева</i>	80
<i>Владислав Ходасевич</i>	82
<i>Георгий Иванов</i>	84
<i>Иосиф Уткин</i>	88
<i>Александр Прокофьев</i>	90
<i>Александр Солженицын</i>	92
<i>Альбина Самусевич</i>	94
<i>Михаил Дудин</i>	97
<i>Виктор Боков</i>	99
<i>Евгений Винокуров</i>	102
<i>Анатолий Богданович</i>	104
<i>Леонид Мартынов</i>	107
<i>Николай Рубцов</i>	111
<i>Владимир Соколов</i>	114
<i>Андрей Дементьев</i>	115
<i>Владимир Мощенко</i>	117
<i>Юрий Гордиенко</i>	119
<i>Юрий Мельников</i>	120
<i>Сергей Орлов</i>	121
<i>Евгений Евтушенко</i>	123
<i>Сергей Островой</i>	126
<i>Виктор Смирнов</i>	128
<i>Глеб Горбовский</i>	130
<i>Николай Рыленков</i>	132
<i>Николай Тихонов</i>	134
<i>Егор Исаев</i>	136
<i>Николай Дмитриев</i>	138
<i>Борис Сиротин</i>	141
<i>Сергей Кошечкин</i>	143
<i>Юрий Прокушев</i>	147
<i>Алексей Губин</i>	149
<i>Примечания</i>	155

*Венок
Есенину
Сборник*

Составитель

Альбина Григорьевна Самусевич

Редактирование, вычитка, художественное и техническое редактирование
осуществлены Калининградским книжным издательством.

Редактор *Н. Н. Глушкова*

Художественный редактор *С. И. Соболев*

Технический редактор *М. С. Тарасова*

Корректор *Н. С. Гайдученок*

ИБ № 034

Сдано в набор 27.12.95. Подписано в печать 12.07.96. Формат бумаги 70x100 ¹/₃₂.
Бумага мелов. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,77. Уч.-изд. л. 5,29.
Тираж 3 000. Заказ 1790.

ГИПП «Янтарный сказ», 236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18. 5300

Калининградское книжное издательство, 236000, Калининград, Советский проспект, 13.

В Калининграде, в Парке скульптуры, стоит бюст Сергея Есенина работы скульптора Анатолия Бичукова — автора памятника поэту на Ваганьковском кладбище.